

Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования и повышения квалификации»

ЛИТЕРАТУРА ХАКАСИИ В ШКОЛЕ

Хрестоматия

Абакан, 2023

ББК 83.3
Л64

*Издается по решению редакционно-издательского Совета
ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования
и повышения квалификации» (Протокол №2 от 31.05.2023 г.)*

Рецензенты:

Логинова Елена Васильевна, кандидат психологических наук, проректор по научно-методической работе ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования и повышения квалификации»;

Иванов Юрий Анатольевич, член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Республики Хакасия.

Якунина Марина Леонидовна, кандидат филологических наук, руководитель ГМО учителей русского языка и литературы г. Саяногорска, региональный методист.

Автор-составитель:

Кравченко Татьяна Юрьевна, доцент кафедры общего образования ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования и повышения квалификации».

Л64

Литература Хакасии в школе. Хрестоматия /Автор-составитель: Т. Ю. Кравченко, Абакан: Издательство ГАОУ РХ ДПО «ХакИРОиПК», «РОСА». – 76 с.

В хрестоматии собраны наиболее значимые произведения писателей Хакасии, изучение которых предусмотрено на уроках литературы в основной школе. Среди авторов – как «знаковые» фигуры литературного процесса, так и новые имена, знаменующие собой современную литературу. Художественные тексты сопровождаются методическим материалом.

Хрестоматия предназначена для учителей и учащихся основной школы.

ББК 83.3

© ГАОУ РХ ДПО «ХакИРОиПК», 2023
© Кравченко Т. Ю., составление, 2023

Содержание

Введение.....	4
5 КЛАСС	6
Хакасские народные сказки	6
Алтын-Арчол.....	6
Очен-Матур.....	7
Кунари.....	7
Медведь и бурундук.....	8
Волшебный Чатхан.....	9
А. И. Котожеков	10
Сказание о бело-голубом жеребенке (сказка для детей).....	10
И. Г. Котюшев	22
Черемуха.....	22
М. Е. Кильчичаков	22
Сказание о двух реках.....	23
Белый цветок.....	24
Старая лиственница.....	24
Моя Хакасия.....	25
Родной язык.....	26
Клятва.....	26
П. Т. Штыгашев	27
Таежная река.....	28
Н. Г. Доможаков	29
Речка.....	29
Приглашение (отрывок).....	30
Н. М. Ахпашева	30
Тайга светла.....	30
А. П. Кыштымов	31
Вот и зима.....	31
Опускаю руки в струи снега.....	32
В. В. Угдыжеков	32
Дорога в тайгу.....	32
И. Л. Кызласов	34
На берегах Енисея (отрывок).....	34
Ю. А. Черчинский	37
Ханский посох (отрывок).....	37
6 КЛАСС	39
Хакасские мифы и легенды.....	39
Большая медведица (миф).....	39
Жаворонок – шаман-птица (миф).....	39
Заблудившийся Антон (легенда).....	40
Мальчик на чужбине (предание).....	41
Ю. А. Иванов	43
Последний визит.....	43
В. В. Полежаев	45
Димка и Фимка (глава из сборника рассказов «Алешкины рассветы»).....	46
7 КЛАСС	50
Ю. А. Иванов	50
Иван Ярыгин (сказание).....	50
8 КЛАСС	59
Н. М. Ахпашева	59
«Мне снятся запахи степные».....	59
«Под тяжестью мохнатого шмеля».....	59

«Гранитный бог сквозь времена глядит».....	59
«Заболею скоро, чувствую».....	59
«Рваные сети на досках причала».....	60
Мой серый пёс.....	60
«Ветер повыстудил дом».....	60
Бетховен. «Сурок».....	61
Из цикла «Чудесное дитя».....	61
«Мне снятся запахи степные».....	62
В. Б. Балашов. Шаман-дерево (отрывок из повести).....	62
9 КЛАСС	64
А. П. Кыштым	64
«Когда мне будет больно».....	64
«Ничего не надо от тебя».....	64
«Идем по листьям некогда зеленым».....	64
«Ты прости меня, что печальный...».....	65
А. Д. Козловский. Из цикла «Аскизские встречи».....	65
Дождь в степи.....	65
Праздник.....	66
Гастроли.....	66
Концерт.....	67
Волонтёрка.....	67
Похоронка.....	67
«Калитку распахнёт Война...».....	68
Мы с той войны... (Ю. Н. Забелину).....	68
В парке Победы.....	69
«Уйдёт последний ветеран».....	69
Сапожник.....	70
Память.....	70
«Я прихожу туда под вечер».....	70
Г. Г. Синельников	71
Красные маки (глава из книги «Афганский капкан»).....	71

Введение

Дорогие друзья! Хрестоматия «Литература Хакасии в школе» познакомит вас с литературой родного края. Она предназначена для чтения и ваших размышлений на уроках литературы или дома. Можно было бы включить в нее еще немало рассказов и стихов, но учебник по литературе не должен напоминать огромную энциклопедию. Поэтому другие тексты будут предложены вам для самостоятельного дополнительного чтения.

Быть может, многие из вас, юные друзья, впервые узнают о том, что хакасский народ, как и все народы мира, обладают собственными мифами, которые отражают их представление об устройстве мира и о человеке. Вы прочитаете фрагменты хакасского героического эпоса, обнаружите мифологические мотивы в сказках.

Мифы могут быть затруднительными при чтении, ведь они написаны очень давно, в них отражены не только факты истории, но и сознание людей, живших тысячу или триста лет назад. Мы с вами сегодня думаем и говорим иначе, чем те люди, но это не означает, что мы не способны понять наших предков. Для понимания требуется немного: желание и сосредоточенность. Хочется верить, что вы не испугаетесь трудностей.

В учебной хрестоматии по литературе вы обнаружите много знакомых названий рек, городов, сел, узнаете родной всем нам мир природы Хакасии, порадуетесь своим маленьким и большим открытиям при чтении произведений.

Каждый из вас по-своему воспримет прочитанное, потому что у каждого имеется свой, пусть и небольшой жизненный опыт. Мы все по-разному видим и слышим: одни восхитятся описанием размашистого кедра, а другие и внимания не обратят. При чтении и обсуждении произведений, которые предлагаются в хрестоматии, вы обязательно сумеете выразить словом свое понимание, услышать то, что передает вам автор, и то, как вы это восприняли. Так мы все становимся богаче, мы присваиваем себе дар людей, которые живут рядом или жили до нас. Так мы развиваем собственную душу и становимся обладателями того, что бесценно и сохраняется в нас навсегда. Так мы становимся сильными собственной силой духа, сердца, мысли. Поэтому так важно научиться видеть все, что предлагает нам автор произведения. Важно принять его опыт, чтобы развить собственный. Хакасская земля богата талантливыми писателями, поэтами, драматургами, создающими оригинальные художественные произведения, отражающими своеобразную красочность природы Хакасии и древний, духовный мир проживающих здесь народов.

Все тексты в этой книге сопровождаются вопросами и заданиями, которые помогут вам разобраться во многих тайнах. Не один раз вам будет предложено испытать свои силы: дописать рассказ, написать стихотворение, сочинить эпизод от лица героя и др. У вас получатся совершенно оригинальные произведения! Подумайте только: никто никогда во всем мире не сможет создать ничего подобного тому, что сочинили вы. Ведь другого такого, как каждый из вас, просто не существует. Кто знает, может быть, и ваши рассказы сегодня или в будущем станут достоянием нашей сибирской литературы, культуры России. Ведь не только взрослые, но и дети своими мыслями и делами создают лучшее в нашей общей жизни.

Итак, в путь. Перед вами – открытая книга, в ней живые слова, вобравшие опыт поколений, живущих на общей для нас земле Хакасии. Пусть эти слова станут вашими.

Кравченко Т. Ю., автор-составитель, 2023 год

5 КЛАСС

Хакасские народные сказки

Устное народное творчество всех народов во все времена являлось основой собственно литературного творчества писателей. И хакасские писатели также обращались к этой традиции, в их произведениях – красота и мудрость народной мысли, народного языка.

Алтын-Арчол

В степи стояла одинокая юрта. В ней жили брат и сестра. Мальчику было три года, а сестре семь лет. Не было у них ни отца, ни матери, ни близкого человека. Даже имя некому им было дать. Жили они бедно, ничего не имели, кроме коня.

Однажды брат и сестра проснулись на заре. Им послышался в степи конский топот. Сестраглянула в щель юрты и видит: подъезжают к юрте два богатыря. Богатыри привязали коней к золотому столбу и вошли в юрту. Они поклонились мальчику и сказали:

– Пущенная в камень стрела не вернется назад. Отправленный посланцем не побоится хана. Мы, люди, приехали к тебе. Мы, богатыри, посланники народа. Из земли вышел кровожадный дьявол айна. Имя ему Ай-кюн. Он убивает людей... Боги, а с богами и все цари, не могут его одолеть. Народ просит тебя сразиться с Ай-кюном.

Сестра заплакала, не пускает брата.

– Мал он еще для такой борьбы, – говорит она.

Мальчик не стал слушать сестру:

– Не с ума ли ты сходишь, моя сестра. Народ зовёт меня – как же можно отказаться?

Мальчик надел на коня узду, накинул седло, обошёл вокруг, подтянул подпруги и сел верхом. Схватила сестра повод коня:

– Никуда не отпускаю тебя, если не возьмешь меня с собой.

Мальчик рванул из её рук повод, взмахнул плеткой, конь грудью ударил сестру, она упала, а брат ускакал вслед за богатырями.

Приехали к высокой горе на берег моря. По берегу разъезжают цари и богатыри. В небе, на облаке, сидят семь богов и смотрят на землю.

На вершине горы лежал Ай-кюн. Зорко смотрел он вокруг, к уху приставил ладонь, чтобы лучше слышать. Взглянет Ай-кюн на небо – облака загораются красным пламенем. Посмотрит на землю – красным огнём трава горит. У подошвы горы семь чертей из земли выглядывают, радуются, смеются, шепчутся.

Увидел Ай-кюн трехлетнего мальчика, рассмеялся:

– Говорили, что с высоких белых гор придёт белая лошадь, а пришел заяц. Говорили, что придёт богатырь ростом с тополь, а передо мной ребёнок...

Мальчика рассердили эти насмешки. Слез он с коня и давай Ай-кюна по щекам хлестать.

Ай-кюн вскочил на ноги и набросился на мальчика. Три дня дрались. Дьявол хоть и сильнее, а одолеть мальчика не может. На четвёртый день силы у мальчика стали расти, и сравнялись с дьявольской силой. Потасил мальчик Ай-кюна на вершину горы, а тот тянет его под землю. Подниматься на гору труднее, не удержался мальчик, свалился вниз. Накинулся на него дьявол, стали вести бой на морском берегу. Год прошёл, а они всё дерутся. Земля под ногами колебалась, морская вода на берег хлынула, в степь потекла. В степи скот воду эту пил – всю не выпил. Побежали люди, побежали табуны и отары на вершины гор – от воды спасаются. По морским волнам красная и чёрная кровь течёт, не смешивается. Красная кровь бежит из ран мальчика-богатыря, а чёрной кровью дьявол Ай-кюн истекает. Чёрной крови всё прибавляется. Ослабел Ай-кюн. Мальчик взвалил его себе на плечи и принёс на вершину горы. Связал его по рукам и ногам, а убить не может. Тогда заговорил конь мальчика:

– Вон за тем камнем стоит дьявольский конь. К седлу его сумка привязана. В этой сумке лежит двенадцатиголовая змея, а в змее душа дьявола спрятана. Убей змею и ты убьёшь дьявола.

Обрадовался мальчик и сделал всё так, как сказал ему конь. Убил мальчик змею, умер Ай-кюн, и в ту же минуту семь чертей под землю спрятались.

Обрадовались все, стали восхвалять мальчика и дали имя ему Алтын-Арчол, а сестру его назвали Алтын-Кёк.

Велел мальчик послать вестника к своей сестре, сказать, что брат её жив и здоров.

Вернулся вестник и сказал:

– Лежала еле живая Алтын-Кёк там, где упала, когда ты её своим конём толкнул. Но когда узнала она, что ты цел и невредим, поправилась.

Улеглось море в свои берега, вернулся народ в свои степи. Все живут, радуются.

Очен-Матур

Очен-Матур оседлал гнедого коня, взял свой лук, привязал его к седлу. Сел на коня, взмахнул отточенным мечом и, обращаясь к народу, сказал:

– Народ мой!.. Моол-хан, как чёрная туча, идёт на нас войной. Воины его степь превращают в камень. Там, где паслись овцы, будет расти колючка. Там, где паслись кони, останутся голые камни. Враги погасят наш огонь, разрушат всё.

Народ мой, мирные пастухи, пойдем войной против Моол-хана. Защитим детей наших. За мной, пастухи!

Вздрыгнула земля под копытами коней. Ветер промчался по ковылям. Туча пыли покрыла степь.

Очен-Матур взлетел на ближнюю гору. Осадил коня, посмотрел и увидел: на дальней горе войско моолов покрыло склоны. Стрелы свои воины положили между ушами лошадей.

Повернулся Очен на седле, велел своим людям взять луки. Но моолы первые пустили стрелы... Брызнула кровь росой на серебристый ковыль, упало несколько пастухов, кони их побежали по степи.

– Теперь держи наш удар, – крикнул Очен, и стрелы пастухов, как осенняя стая скворцов, пронеслись под небом. Поредели ряды моолов, проглянула между ними земля. Но из-за острой спины горы поднимались всё новые и новые воины, спускались вниз.

Стрелы летели с обеих сторон, сшибались в воздухе и взлетали к небу. Стрелы пастухов ударили в гору, на которой были моолы. Гора покрылась пылью.

Оглянулся Очен и видит: стоит он по колено в крови, вокруг кучка верных людей. Пал конь его. Сердце Очена разрывалось от жажды боя, но стрела с медным наконечником угодила ему в горло, свинцовый наконечник стрелы пробил сердце.

Увидел Моол-хан: упал Очен-Матур к ногам своего коня. Как вода потекли вниз моолы.

Остались пастухи без своего вождя, припали грудью к конским шеям и повернули назад. Одни мчались домой, другие укрывались в скалах, а многих догнала стрела и свалила на землю.

Моолы угнали в Алтайскую землю детей и женщин, табуны скота. Много погибло в этой битве пастухов, если считать, то чисел не хватит.

Кунари

В глубокой пещере, в скалах, укрылась от моолов Кунари жена Очен-Матура. Родила она двух сыновей-близнецов. Одного звали Сибичек, другого – Сибдейек. Росли они долго, а мне сказать это быстро.

Встали на ноги. Кунари сделала им два лука. Меткими стрелками стали сыновья Очена. Стрела, пущенная их рукой, ни разу не миновала цели.

Кунари провожает сыновей на охоту, говорит им:

– Дети мои, вы еще малы. Не ходите по ту сторону скал. Там водится страшный зверь, он съест вас.

– Ладно, не пойдем, – обещали близнецы.

Сильные и ловкие, гоняясь за дичью, забыли они материнский наказ. На скалах с той стороны, где всходит солнце, увидели они комолого и куцехвостого зверя. Зверь был огромный и мохнатый. Братья приняли его за корову, подняли свои луки, прицелились и натянули тетиву. Обе стрелы в одно время пробили зверя, и он с рёвом упал в пропасть.

Мать не поверила сыновьям. Сама пошла взглянуть на добычу. Спустились со скалы и увидели убитого большого медведя. Когда юноша убивает медведя, он становится мужчиной.

Поняла Кунари: кончилось детство сыновей, и как-то утром рассказывает им свой сон:

– Дети мои, – говорит Кунари, – Моол-хан узнал о нас. Завтра утром сюда прилетит чёрный ворон... Это будет глаз¹ Моол-хана. Отбейте стрелой его клюв, и он не сможет рассказать о том, что увидит. Моол-хан пойдёт на нас войско во главе со своим сыном. Надо встретить их. Но, дети мои, сначала поражайте задних воинов. Сын Моол-хана будет идти впереди – его не трогайте. Когда он останется один, вы захватите его. Ничего не жалеете в этой битве – ни сил, ни жизни...

На другой день братья проснулись на рассвете, протёрли глаза, вышли на скалы.

На высоком камне сидел чёрный ворон. Просвистело две стрелы, и клюв ворона упал на землю.

К пещере подъехал всадник. Гнедой конь его так и сиял на солнце. За спиной всадника сидела седая старушка.

– Ты жив, Оян? – спросила всадника Кунари.

– Как видишь жив, жена, моего великого брата, – отвечает Оян. – Мне с матерью удалось укрыться от Моол-хана. Услышал я снова, что идут на нас моолы войной, и нашёл вас, чтобы вместе сражаться.

На пяти тасхылах² стоят пять алыпов³, ждут моолов. И вот уже вверх по склонам карабкаются моолы...

Засвистели стрелы. В задних рядах падают моолы, а передние вперёд идут. Стрелы блестят на солнце, воздух, как молнии, рассекают.

Сын Моол-хана впереди на коне. Он близок уже к вершине. Оглянулся на воинов своих, чтобы поторопить их. Дрогнуло ханское сердце: на склоне горы, как камни, лежали убитые воины. Повернул хан коня, в страхе помчался назад.

Оян вскочил на своего гнедого и бросился в погоню.

Прошло три дня. Оян вернулся один.

– Где был так долго? Где сын Моол-хана? – спросили его братья.

– Я гнался за ним долго, но не мог догнать. Тогда пустил стрелу. Убил под сыном Моол-хана его коня, а ханский сын убежал.

Заподозрили братья измену:

– Ты, наверно, сговорился с ним? – сказали они.

– Враг моего народа – мой враг, – ответил Оян. – Никогда я не продам свой народ.

Кунари сказала:

– Что спорить? Нужно пойти и посмотреть, где убит конь сына Моол-хана.

Послушались братья. Трое поскакали к границам земли. Всё оказалось так, как говорил Оян. Когда прошёл слух о победе Сибичека и Сибдейека, то много людей убежало от моолов. Горными тропами, по тайге, по степи возвращались они в родную землю.

Медведь и бурундук

Январь у хакасов называется месяцем Бурундука. Однажды в середине зимы Медведь с Бурундуком поспорили, сколько дней в этом месяце. Медведю очень не хотелось ещё один день лежать в берлоге, и он басом ревел:

– Тридцать, тридцать...

– Тридцать один... Тридцать один, – кричал Бурундук.

Медведь разозлился и хватил лапой Бурундука по спине. Бурундук убежал, но спина у него с тех пор осталась полосатой, а в январе всё-таки тридцать один день. Не зря говорят люди: силой правду не переспоришь.

¹ Глаз – разведчик.

² Тасхыл – горная вершина, скала.

³ Алып – воин, богатырь.

Волшебный Чатхан

Давным-давно жил старик пастух. Звали его Чатхан. Много скота было у хана. Много было и пастухов. Трудная служба у пастуха: одни заботы, и совсем не было радостей.

Долго думал Чатхан, чем бы облегчить жизнь пастухов, и придумал: сбил из дощечек длинный и узкий ящик, натянул на нем волосяные струны и начал играть на них. По вечерам к нему приходили послушать музыку, пастухи. Так красиво звенели семь волосяных струн, что у людей сладко замирало сердце, птицы складывали крылья в полёте, звери останавливали свой бег. Очарованные рыбы замирали в реках и озерах, в степи поднимали головы и слушали волшебную музыку табуны коней. Лёгкой стала работа пастухов. Стоило разбиться стаду, как Чатхан брал свой музыкальный ящик, трогал струны, и стада снова собирались. Чатхан один управлялся с бесчисленными стадами хана.

Однажды случилось беда. О волшебном инструменте узнали одноглазые разбойники. Они пришли из-за гор, убили старика, унесли музыкальный ящик, угнали скот бедняков. Только ханские стада остались в степи.

Был у старика внук. Рос он не по дням, а по часам. Когда подросток, сказал матери:

– Сделайте мне лук и стрелы.

Мать сделала ему лук из табылки⁴, нарезала из тальника стрелы. Хорошим стрелком стал внук Чатхана. Направо пустит стрелу – тридцать птиц падает, налево пустит – сорок птиц убивает. Мать строго-настрого запретила сыну ходить за большую гору. А мальчику любопытно, что же там есть за высокой горой. Однажды он поднялся на вершину и увидел возле пещеры большой дом без окон. Мальчик подкрался к дому и прислушался. За стеной людские голоса, как пчёлы, жужжали. Один говорил:

– Еда кончилась...

Другой добавил:

– Нужно яловую кобылицу вызвать.

Третий предложил:

– Хорошо бы яловую корову и яловую овцу заколоть.

Вдруг в доме всё притихло, и послышалась чудесная музыка. Закачались леса, затрепетали на деревьях листья. Легко и весело стало кругом. Заржала кобылица, замычала корова, заблеяла овца. Они подбежали прямо к дому и остановились. Мальчик спрятался за большой камень и стал смотреть, что будет дальше.

Из дома вышло семь чёрных людей. На левой половине головы у них было по одному глазу. Вместо лиц был один огромный рот с двумя клыками. Они зарезали животных и стали носить в дом мясо. Давно не ел мальчик мяса домашних животных. Он протянул из-за камня стрелу и наколол наконечником конскую, коровью и овечью грудинки. Одноглазые разбойники ничего не заметили.

Мальчик притащил свою добычу матери. Сильно она обрадовалась, так как тоже давно не ела мяса. Скот ведь остался только у хана, а у пастухов ничего не было.

Но когда мать узнала, куда ходил сын и откуда достал грудинку, она опечалилась и сильно поругала его.

– Эти разбойники убили твоего деда. Я боюсь: не было бы новой беды, зачем ты туда ходил? – сказала мать.

– Ничего, не бойся, – ответил мальчик.

На другой день он взял лук и стрелы и снова отправился за гору.

Подкрался к дому и стад слушать. В доме сильно спорили.

– Кто съел грудинку? – спрашивал один.

– Сам, наверно, и съел, – отвечал другой.

– Ни коровьей, ни бараньей грудинки не было, вы все потихоньку съели, – говорил третий.

Спорили они, спорили и решили пересчитать кости. Посчитали, нет грудинок. Тогда один сказал:

– Все вы ничего не понимаете. Вырос внук Чатхана. Это его рук дело. Надо убить его.

⁴ Табылка – таволожник.

Выбежали одноглазые из дома, спешат, толкаются. Были они почти совсем слепые. Взялись за руки и пошли с горы.

Мальчик переждал немного и пробрался в дом. Перед дверью он вырыл глубокую яму, прикрыл её ветками, присыпал ветки землёю. После этого он взял инструмент деда и заиграл. Одноглазые услышали и побежали обратно. Только кинулись к двери, как все провалились в яму. Мальчик всех их камнями побил, а яму закопал.

Взял он чудесный ящик и заиграл на нём. Открылась пещера, заржали кони, замычали коровы, заблеяли овцы. Пошёл мальчик с горы, перебирая струны, а за ним шли стада.

Снова стали жить пастухи счастливо. Мальчик играл на чудесном инструменте и пел им о злых ханах, о добрых и могучих богатырях.

Александр Иванович Котожеков

Известный хакасский драматург Александр Иванович Котожеков (Чапрай) родился в 1948 г. в селе Аршаново Алтайского района.

В 1977 году закончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кино по специальности театральный художник. Работал художником в театре «Читиген». В 1987 году окончил Высшие театральные курсы по специальности «Драматургия».

Человек разносторонних интересов, А. И. Котожеков занимался в литературном объединении «Тан солбаны» («Утренняя звезда»), откуда и берет начало его путь как писателя-драматурга. Его называют человеком-универсалом. Ему подвластны и кисть, и перо, и театр. Александр Иванович является автором герба Республики Хакасия и одним из духовных лидеров своего народа.

А. И. Котожеков пишет пьесы для театра, рассказы.

Сказание о бело-голубом жеребёнке (Сказка для детей)

Действующие лица: Алтын Тюбет, Алтын Хан, Алтын Чечекей, Хуу-Хат, Аран Чула, Ай Мерген, Алтын Иргек, Кара Моос, Пус-Таг, Алтын Таг, Мать-Огонь, Лысая Гора.

Картина первая

Предрассветная мгла. В сумерках слышен голос молящегося. Это Алтын хан, глава народа.
Алтын хан: – О!.. Вечный, Белый Творец! О!.. Высокое Синее Небо – Тигер!..

Для того чтобы родная земля не оскудела, о, Тигер!..

Для того чтобы живущий народ не перевёлся, о, Тигер!..

Для того чтобы не исчезли традиции жизни, о, Тигер!..

По примеру, как предки наши кланялись, о, Тигер!..

Так и я, одной своей головой, и двумя плечами, о, Тигер!..

Преклонив своё правое колено, кланяюсь тебе, о, Тигер!..

Ради жилища для своего народа, о Великий Тигер!..

Ради травы для пасущегося скота, о Великий Тигер!..

Дай нам спасение от демонов подземного мира, о, Тигер!..

Я, согнув правое колено, кланяюсь тебе, о, Великий Тигер!..

По небу летит яркая звезда, освещающая стоящего на сцене Алтын Хана и его жену Алтын Чечекей. Алтын хан кричит.

Алтын хан: – Небо услышало нас!.. Ликуйте, люди!.. Эта звезда – знак их благоговения к нам!..

Алтын Чечекей: – Алтын хан, муж мой... у нас родился сын... Посмотри... Он светится...

Алтын хан: – Сын... Сын!.. Люди – и!.. У меня родился сын!.. Это его душа пролетела над нами... Сын, наследник моих девяти земель!.. Наследник моего золотого трона!.. Алтын Тюбет...

(жена Алтын хана поднимает руки с ребёнком, показывая его. Грудь ребёнка светится изнутри. Это свет падавшей звезды. Жена с ребёнком уходит.

На сцене появляется фигура, накрытая с головой черным плащом. Эта фигура Хуу-Хат. Она крадучись подходит к Алтын хану и обсыпает его белым порошком. Алтын хан исчез в облаке этого порошка. Улыбавшийся Алтын хан появляется из облака порошка разъярённым.

Алтын хан: – *(кричит)* Где он?!.. Где?.. Этот ползущий хитрец...

(появляется, ничего не понимающая, Алтын Чечекей с ребёнком. Алтын хан выхватывает у матери мальчика, отшвырнув мать, накидывается с мечом на мальчика)

Алтын хан: – Гадёныш!.. Позарился на мои девять земель?!..

Алтын Чечекей: – *(пытаясь защитить ребёнка)* Ты что делаешь?!..

Алтын хан: – Кэд!.. Кэд, глупая!.. *(отталкивает её от ребёнка)* Будут тебе девять земель моих... Будут!.. Сейчас разрублю тебя на девять частей и посажу их на все девять земель... *(бьёт мечом по малышу и не попадает, бьёт еще раз, меч отлетает от малыша, имя которого Алтын Тюбет)*

Алтын Тюбет: – Отец... ты сошёл с ума!.. Я же твой сын...

Алтын хан: – Не-е... Ты меня не проведёшь, мохнатая рожа!.. Ты пришёл ограбить меня... *(бьёт ещё раз. Жена, Алтын Чечекей, повисает на руке Алтын Хана)*

Алтын Чечекей: – С ума сходишь, суженый мой!.. Это же наш сын... Уйди, не сходи с ума!..

Алтын хан: – Отойди, глупая женщина... Это разоритель ханств... Я узнал его!.. Он не проведёт меня... Мои, кровью собранные земли... Моё золото... Не получишь... Отойди от него!.. *(набрасывается на свою жену, хлещет плёткой. Жена падает без чувств. Он опять берётся за малыша)*

Алтын Тюбет: – Отец, я твой сын, посланный Небом, чтобы помочь тебе отделить мир людей от демонов подземного мира...

Алтын хан: – Что ты за чёрт такой?.. Меч тебя не берёт... Заговорён?.. А ну-ка, попробуй моё копьё *(колет копьём, копьё гнётся, но не поражает ребёнка. Алтын Чечекей приходит в себя и хочет отбить ребёнка)*

Алтын хан: – Эйт!.. Ужасно глупая женщина!.. Зачем я женился на тебе?!..

Алтын Чечекей: – Убей меня!.. Но оставь нашего ребёнка!..

Алтын Тюбет: – Я твой сын!.. Сын...

Алтын хан: – Прочь, недостойная женщина!.. *(сильно отталкивает её).*

Алтын Тюбет: – Он не в своём уме, мама... Если бы ты не молился всю ночь, а спал сегодня, то во сне тебя известили бы о моём предназначении... Вот грамота от небожителей!..

Алтын хан: – Грамота, говоришь?.. Грамотный всё что захочешь может написать... И от копья заговорён... А ну попробуй мою живую стрелу... *(достаёт лук и золотую стрелу, наладив лук со стрелой, целится и стреляет в малыша. Малыш Алтын Тюбет перехватывает летящую стрелу. Потом бросает на отца аркан, имеющий душу. Живой аркан обвивает тело отца и крепко связывает)*

Алтын Тюбет: – Ты, неразумный хан, не принимая меня, мешаешь мне исполнить моё предназначение... Я, чтобы ты не мешал мне, связанным закрою тебя в золотой сундук, пока не исполню своё предназначение... У неразумного хана, наверно, и весь народ неразумен... Надеяться больше не на кого... Мне надо спрятать мою душу, в которой моя жизненная сила – «Чула». Пока я не узнаю все хитрости и возможности главы демониц – Хуу-Хат, ведь она может неизвестной мне хитростью забрать мою жизнь... Придётся мне мою небесную душу спрятать отдельно... *(свистит)*

(На сцену выбегает бело-голубой жеребёнок со своим бело-серым жеребцом с золотой гривой. Это – отец жеребёнка.)

Алтын Тюбет: – О, предназначенный мне небом Аран-Чула... Времени мало. Самая старшая среди сорока подземных демониц, конопляноволосяя, ужасная для нас, Хуу-Хат уже со своим

войском нечистой, совсем близко... У неразумного хана, боюсь, не найду я разумного помощника. Поэтому, передаю тебе свою жизненную душу... Храни его – это моя жизнь. Пока ты его будешь хранить, я буду жив и буду биться с демонами... Помни это, мой Аран-Чула...

(выдыхает себе на ладони светящуюся душу-чула – это звезда, упавшая с неба. Жеребёнок вдыхает эту звезду в себя)

Аран-Чула: – Ты мой хозяин, Алтын Тюбет... Мы вместе, в одно время родились... Без тебя нет и мне жизни... Буду беречь. Это и моя жизнь...

Алтын Тюбет: – Храни крепко... Нам надо отделить подземелье демониц от земель людей солнечного мира. А то жители подземного мира перешли все границы приличий и бессовестно грабят и издеваются над людьми солнечного мира... Нам надо найти все входы в подземный мир и надёжно их все закрыть... Но мне надо спешить, а то армия Хуу-Хат вскоре появится на поверхности земли, чтобы спрятать от нас эти входы...

Отец Аран-Чула: – Алтын Тюбет... Тебе выпала высокая миссия спасти людей от притязаний чертей и демонов на жизнь людей... Иди, спасай!.. А мы как-нибудь, приложим все свои силы, чтобы сохранить твою душу-чула...

Аран-Чула: – Да, приложим все силы и смекалку, чтобы сохранить твою душу-чула...
(Алтын Мёке обнимает жеребца и жеребёнка и уходит)

Картина вторая

На сцене встречаются Алтын Тюбет и Хуу-Хат. Хуу-Хат одета в нечто, подобное чудовищному экзоскелету из огромных костей, то ли мамонта или допотопных динозавров. Алтын Тюбет в латах из дублёной кожи со стальными пластинчатыми накладками. Идёт страшный бой. В этом бою крошатся скалы, трескаются горы, летят искры, вырываются молнии, выплескиваются реки из своих берегов, Под ногами богатырей валится лес, с визгом и рёвом гибнут звери и птицы. В конце концов не выдерживает поверхность земли, затрепав, стала проваливаться под ногами богатырей. Алтын Тюбет и глава подземных демониц проваливаются до третьего слоя подземелья. Бой продолжается на третьем слое подземелья. Все твари подземелья помогают демонице Хуу-Хат. Но, затапываемые ногами богатырей, вопят и визжат эти твари. И поверхность третьего слоя подземелья также не выдерживает и с треском и грохотом проваливается. Алтын Тюбет и Хуу-Хат падают ещё дальше, до семнадцатого слоя подземелья. Это дно подземного мира. У каменного основания вселенской оси дерутся Алтын Тюбет и Хуу-Хат... Наконец, Алтын Тюбет валит Хуу-Хат на землю и ищет у себя за пазухой живой аркан...

Алтын Тюбет: – Где же мой аркан?.. Да где же он?!.. Ах, да-а!.. Арканом связан мой отец... Отец... Э-эх, отец мой... Что ты наделал?.. Отец... *(Хуу-Хат вырывается из рук Алтын Тюбет)*

Хуу-Хат: – А-а... Хотел меня живым арканом связать... Нет аркана?!.. Да?.. Нет?.. Вот... А теперь я тебя буду бить... И не вытащишь ты меня на поверхность земли... Меня можно только на поверхности земли победить. А здесь, под землёй, на семнадцатом уровне подземелья тебе меня никогда не победить!..

Алтын Тюбет: – погоди, Хуу-Хат... Вытащу я тебя на солнечный свет, не смотря на то, что это дно подземелья... Ты от меня никуда не денешься... И уничтожу тебя... Ой-а, почему силы покидают меня?..

Хуу-Хат: – Ха-ха-ха... Опоздал ты, сыночек... Если бы ты сделал это до новой луны, то может быть и одолел бы меня... Но новая луна уже завтра встает. Ты опоздал... Теперь я тебя буду уничтожать!..

Алтын Тюбет: – Мне плохо...

(Хуу-Хат вытаскивает свой ржавый меч и бьёт по Алтын Тюбет. Меч отлетает от Тюбета.)

Хуу-Хат: – Что?!.. С яростью начинает бить мечём по Алтын Тюбету. Но с каждым ударом Алтын Тюбет превращается в камень, На третьем ударе Алтын Тюбет окаменел совсем)

Хуу-Хат: – Что это?!.. Ты уже весь каменным стал... *(вглядывается в глаза Алтын Тюбета)* А-а... У тебя в глазах нет отблеска твоего чула... Спрятал, да?!.. Спрятал?.. погоди...

(Хуу-Хат приковывает Алтын Тюбета к каменной оси вселенной толстыми железными цепями.)

Хуу-Хат: – Ну вот... Теперь мне надо найти твою чула и всё... Ещё на четыреста тридцать два года люди земли будут нашими рабами... Та – ак, и где же твой чула?.. *(внимательно вглядывается в глаза Алтын Тюбета)* Да – а, честный мальчик, прямо как родниковая вода, которую мы изго-

няем из подземелья... Ах-а-а! Вижу... вижу... а, белый жеребец!.. Фу, до чего же люди так липучи к белому цвету?.. Э-эх, малыш... Знал бы ты, на кого ты поднимаешь руку, сосунок... Ха-ха-ха... (уходит, потом возвращается)

Хуу-Хат: – Даже, если не поймаю твоего жеребёнка, я знаешь, что сделаю?.. А приглашу-ка я Алтын Иргека... Мастер такой есть. Он из камня всё что хочешь изваяет... Ха-ха... Я закажу из тебя вырубить скульптуру ма-аленькой мыши... А?.. Как тебе... Будешь бегать мышкой, мой миленький Тюбетик... А я поводок сделаю... Будешь моей собачкой-мышью... Ха-ха-ха!.. (уходит)

Картина третья

На сцену, оглядываясь, в спешке, выбегает Хуу-Хат. Теперь это некая Баба-Яга в хакасском варианте, одетая в лохмотья с конопляными косами, с кривой, ржавой саблей в руке. На шее висят целый скелет крысы с черепом и другими костями. Увидела детей-зрителей и со всякими ужасами, обращается к детям.

Хуу-Хат: – А-а! Детки!.. Милые детки... Не видели ли вы тут жеребёнка?.. Такого... ужасно белого, да ещё с голубыми отливами... Бр-р... Противно даже произносить, какой он жутко белый... Тьфу!.. Не видели?.. Нет?.. Ну ладно... Земля тверда... Небо высоко... Никуда не денется... Всё равно найду... (делает невероятные па, как бы подтверждая сказанное)...

(дети смеются над ней)

Хуу-Хат: – А что вы смеётесь?.. Думаете – это смешно?.. Вот если бы вы были воспитаны как я... То вы бы упали от зависти – какая я красивая... Во, сколько дырок! Отпад! А смотрите, сколько у меня лохматушечек!.. Во – о... какие дыры. Они здесь дырами смотрятся, а там, под землёй это бриллианты. Почтище ваших... этих... стра-ах... нет, стра-аз-з блестят... А почему вы воспитаны не так, как я?.. А?!.. А потому что вы маленькие, а взрослые вас дурят... дурачат... ну это... делают вас дураками! Вот.

Вот раньше, люди почти все одевались как я... Но вот, появился гордый Алтын Тюбет и задумал, видишь ли, отделить ваш мир от моего мира – хочет все выходы из-под земли закрыть... Умник нашёлся!.. А я плевала на этого умника... Он у меня в темнице сейчас томится... Я его к оси вселенной приковала. Вот так вот!.. Так что он никуда не денется...

(грозно) А ну-ка, скажите мне, куда жеребёнок делся?.. Не то, зажарю на шашлык!.. Всех!..

А вот один мальчишка сказал мне, что в табуне белых жеребцов, мол, этот жеребёнок... Я весь табун осмотрела, нет его там. Но он был там. У жожака табуна, златогривого жеребца спросила... «Да вот, говорит, был здесь, да у меня под хвостом какую то записку тебе оставил»... Гад... Подбегаю я прочитать, А он меня как треснул задними копытами... *(потирает челюсти, плюётся)*

Хуу-Хат: – Ничего, вот разберусь с жеребёнком, потом я разберусь и с жеребцом, и с вами, ребятки, разберусь... Некогда мне сейчас... Где ж жеребёнок?!.. Не скажете – так найду!..

(Хуу-Хат из – за пазухи достаёт огромное бронзовое зеркало, как луну, и начинает осматривать землю в поисках следа жеребёнка. Ползая на четвереньках натывает на ноги только что вошедшей на сцену женщины. Это мать Алтын Тюбета.)

Хуу-Хат: – Так и эдак... следов не видно... *(увидев ноги Алтын Чечекей)* А это что такое?.. *(поднимает голову и видит Алтын Чечекей)*

Алтын Чечекей: – Здравствуй, добрая женщина. Вы упали или что-то потеряли на дороге?..

Хуу-Хат: – Уйди с дороги, недобрая женщина. Ты мне все следы затопчешь...

Алтын Чечекей: – Ой, прости мою вину... А вы не видели моего сына?.. У меня груди ноют... Чувствую, ему сейчас очень нужно моё материнское молоко... Не видели?..

Хуу-Хат: – Я сказала – уйди... Не видела я... и видеть не хочу...

Алтын Чечекей: – *(уступая дорогу)* Его зовут Алтын Тюбет... Он с Хуу-Хат пошёл воевать...

Хуу-Хат: – Что?.. Алтын Тюбет?.. Погоди-ка... погоди-ка... *(подползает к Алтын Чечекей, поднимает подол её платья и там ищет белого жеребёнка)*... Ты куда дела белого жеребёнка?.. Куда?..

Алтын Чечекей: – *(изумлённо отступая от Хуу-Хат)* Что вы себе позволяете?.. Какого жеребёнка?.. Я сына ищу...

Хуу-Хат: – Стой!.. А ну, погоди, погоди... *(бросается на землю и внимательно рассматривает след)* Во... Видишь?.. Золотая пыль вокруг копытца... Это след жеребёночка!.. А ты чуть не затоптала!..

Алтын Чечекей: – Я?.. Да я...

Хуу-Хат: – Отстань, женщина... *(делает разметки, щурясь «простреливает» направление следа, определив, бьёт себя ржавым мечом по ляжкам, как коня, и ускакивает)*

Хуу-Хат: – *(ускакивая кричит)* Вот поймаю жеребёнка, и я вернусь... Вот тогда вам попадёт!.. Вот тогда я вам покажу... Мать Алтын Тюбета!..

Картина четвёртая

На сцене появляется жеребёнок Аран-Чула. Проскакав какое то время, останавливается в изнеможении.

Аран-Чула: – Силы мои на исходе... Хоть бы где щепотка травки встретилась бы, хоть пощипать немного... Хоть бы глоток материнского молока глотнуть бы... или, хотя бы глотка два водички из родного белого моря испить бы мне... Силы мои на исходе... Фу – у... Как мне убежать от этой неугомонной и ужасной Хуу-Хат?.. Что я ещё умею, кроме как бегать?.. Ах, да! Мама мне показывала, как можно тумана напустить... Попробовать тумана мне напустить, что ли, чтобы спрятавшись там, отдохнуть хоть мне немного...

(напускает тумана)

Аран-Чула: – Мне надо доскакать до богатыря Алтын Иргека. Может он меня защитит и спрячет. А чтобы до него добежать, мне нужно перевалить через Ледяной Хребет – Пус-Таг называется... Там из-за постоянных бурь и высоты, птица не может перелететь его. Там, из-за крутого и высокого ледяного перевала звери, иступивши свои когти обратно сползая, не могут перелезть... Как мне преодолеть эту гору?... *(появляется в тумане Хуу-Хат с конопляными косами)*

Хуу-Хат: – *(блуждая по туману)* Что это за туман?... Туману напускают, когда хотят кого-нибудь обмануть... Кто же напустил столько тумана? И кто хочет меня обмануть?.. А-а, это, наверно, жеребёнок... Значит я его нагнала... Ага... Сейчас я его найду, здесь, среди этого тумана...

(ищет в тумане Аран-Чула)

Хуу-Хат: – Погоди... Ты никуда не денешься... Думаешь, не найду?.. Как бы не так... А-а... Я сейчас весь этот туман проглочу...

(Широко раскрыв чудовищную пасть, начинает глотать туман в семь-восемь глотков. Туман исчез, жеребёнок нет.)

Хуу-Хат: – Ага, спрятался?... Земля тверда, там тебе не укрыться... Небо высоко, там тебе не спрятаться... А ну-ка, выходи... Выходи, паршивый жеребёнок!..

(опять, достав зеркало, начинает искать следы. Находит, начинает «простреливать» направление следа.)

Хуу-Хат: – А-а! Вон куда побежал. Но там Ледяная гора – Пус-Таг. Фигушки ты убежишь от меня. Эту гору ни птица не перелетала, ни один зверь не перебирался... Деваться тебе некуда... Ха-ха-ха!.. *(хлопнув ржавой саблей себя по ляжкам, вприпрыжку поскакала за жеребёнком)*

Картина пятая

Аран-Чула перед Пус-Тагом. Аран-Чула, ходит туда-сюда, не зная, что делать...

Аран-Чула: – Что делать?.. Что делать?.. Как мне преодолеть эту гору?.. Я же погублю дело Алтын Тюбета... Горе мне... Не успел я в жизни ничего сделать... Даже душу-чула Алтын Тюбета не могу спасти... И вот... А ведь, спасти род человеческий... это дело всех. Может гора Пус-Таг тоже захочет помочь Алтын Тюбету?.. *(подходит к горе вплотную, становится на передние колена)*

Аран-Чула: – Великая гора Пус-Таг, к тебе обращаюсь я, Аран-Чула, хранящая душу богатыря-альпыа Алтын Тюбета, который пришёл на землю, чтобы очистить его от нечисти подземных демонов, которые чинят на земле неправды!.. Имеющие язык, все поклоняются тебе, и я, преклоняя перед тобой колени, кланяюсь тебе. Звери, языка не имеющие, взбираясь на тебя, когти источив, сползают обратно. Я, имея язык, кланяюсь тебе, прошу разрешить мне подняться на тебя. Пусть там, где ступит моя нога – ямка образовывалась бы, чтобы не соскользнуть с тебя...

(раздаётся ужасный хруст и грохот Ледяной горы, сквозь который слышен голос горы)

Пус-Тат: – Сколько стою, первый раз слышу обращение ко мне. Ступай смело, мужественный и храбрый Аран-Чула. Я позволяю тебе перейти меня...

(Аран-Чула ступает на склон, и ледяные скалы выступают ступеньками, которые после копыт жеребёнка исчезают обратно. Аран-Чула поднимается вверх. Через какое то время появляется Хуу-Хат и прыгает на скалу за Аран-Чула, но соскальзывает вниз.)

Хуу-Хат: – У-у!.. Отродье человеческое!.. Всё равно сейчас соскользнёшь и скатишься... Всё равно... Гадёныш... Парнак ты... Гад, ведь лезет... лезет... Может я бодну гору?.. Гора затрясётся и он соскользнёт... *(Хуу-Хат разгоняется и бодает лбом гору. С горой ничего не происходит)*

Хуу-Хат: – *(отирая лоб)* Ух, гад!.. Ведь эдак он и вправду доберётся до вершины... Как же тогда мы?.. Как же мы без людей?.. На ком же мы будем ездить?.. Кого мы будем заставлять работать на нас?.. Бедные мы, бедные... *(всхлипывает)* моя жизнь... Беззаботная моя жизнь... Нельзя так... Нельзя от нас отделять людей!.. Нельзя...

(Хуу-Хат ходит взад-вперёд. Снова разбегаётся, ударяя себя с двух сторон ржавой саблей, бросается к горе и бодает гору. Но гора неподвижна, Хуу-Хат падает, утирая лоб.)

Хуу-Хат: – Ведь залезет, залезет... Эй!.. Жеребёнок!.. Иди, поиграем с тобой в тобит... Кто выиграет, тому дам золото... Тьфу... Кому я золото сулю... Тьфу-тьфу-тьфу... Что же делать?.. Что же делать?.. Ведь передо мной что?.. Гора... гора... но... но ведь эта гора ледяная... Так-так... думай, думай... Лёд что?.. Лёд тает... Вот именно!.. Тает!.. Растоплю-ка я весь... Да... Тает-то тает... Но летом она так и стоит – гора горой... Не растопить... Нет... Была бы ты, гора, живой, я б тебя загрызла... грызла... Но, ведь это – лёд... Лёд!.. Он тает во рту... Тает! Я прогрызу гору, глотая лёд, и проползу сквозь гору!..

(Хуу-Хат с разбегу впиивается в Ледяную гору и начинает прогрызать как буровая машинка, постепенно исчезая в ледяной норе)

Картина шестая

Аран-Чула у Алтын Иргека

Аран-Чула: – Фу-у, кажется, добрался... Может здесь я найду щепотки травы, пощипать его не много или глоточек-другой воды испить удастся. Как я устал... Ноги мои как осиновые листья дрожат... Ой, хоть немного бы отдохнуть...

(появляется Алтын Иргек)

Алтын Иргек: – Надо же... Бывает же такое!.. Такой красивый... Такой живой, трепетный... Откуда только берутся такие жеребята... Надо же!.. Ай-ай-ай... Такой жеребёнок... А я... я тут сплю... А здесь такая красота бегаёт!..

Аран-Чула: – Здравствуй, имеющий золотые руки Алтын Иргек!..

Алтын Иргек: – Ах!.. Да он ещё и разговаривает... Здравствуй, жеребёнок!.. Откуда ты такой в моих краях?.. От какого табуна ты отбился?.. Или небеса послали тебя ко мне как награду?..

Аран-Чула: – Я – Аран-Чула... Я ношу душу-чула богатыря-алыпа Алтын Тюбета, посланного небесами отделить ваш мир от мира подземных демониц и дьяволов...

Алтын Иргек: – Да-да... Мне во сне сообщали эту весть... Значит, ты не награда?.. А я давно жду... А её нет...

Аран-Чула: – Кого нет?..

Алтын Иргек: – Да награды...

Аран-Чула: – А-а ...

Алтын Иргек: – Ну ладно об этом... А где сейчас Алтын Тюбет?..

Аран-Чула: – Ой, мне трудно ответить на этот вопрос... Он пошёл воевать с ненасытной Хуу-Хат... И я теперь не знаю, где он... Но Хуу-Хат гонится за мной... Думаю, Алтын Тюбету теперь плохо. Он в опасности... Я преодолел Ледяную гору, а Хуу-Хат осталась с той стороны... Наверное, она пытается преодолеть Ледяную гору... Пока она не преодолела гору, мне бы травки пощипать и водички напиться... А потом... мне бы спрятаться... чтобы меня Хуу-Хат не нашла...

Алтын Иргек: – Ещё ни один зверь не преодолел Ледяную гору, куда уж Хуу-Хат...

Аран-Чула: – Ой, не говори так... Это же Хуу-Хат, имеющая шестьдесят заговоров, владеющая семьюдесятью колдовскими зельями... От неё можно всего ожидать...

Алтын Иргек: – Даже если так... Такая красота, как ты, должна жить... Кто посмеет трогать и обижать такую красоту?.. Ах, какой жеребёнок!.. Я ваяю скульптуры, пытаюсь запечатлеть красоту

и величие людей этого мира. Я на скалах выбью твою красоту. Это должны видеть все люди солнечного мира. А если здесь явится Хуу-Хат, я буду тебя защищать...

(Слышится какой-то шум, похожий на шлепки. Аран-Чула испуганно прячется. Появляется Хуу-Хат в мокрой одежде и с посохом)

Хуу-Хат: – Кого ты собрался шашишать?..

Алтын Иргек: – А ты кто, странствующая женщина?..

Хуу-Хат: – Ой, шынок, ш-жеребёнка потеряла... Ишу... ишу-у... Я бедная ш-женщина... Шовшем бедная... Нешшашная... Я... Штарая, от штарошти вше ш-жубы потеряла...я...

Алтын Иргек: – Не этого ли жеребёнка ты потеряла?.. *(оглядывается, не видит жеребёнка)* ой, где ты, жеребёнок?..

Хуу-Хат: – А-а!.. Он ждёт... *(отбрасывает посох и начинает рыскать в поисках жеребёнка)* Где он?!.. Где он?.. *(вынимает ржавый меч)* А ну... Покажывай!..

Алтын Иргек: – А-а!.. Так ты и есть Хуу-Хат?!..

Хуу-Хат: – А кто же я, ешли я не Хуу-Хат?!.. Я и ешь наштоящая Хуу-Хат!.. Где ш-жеребёнок?!..

Алтын Иргек: – Какое зло тебе сделал этот невинный жеребёнок?..

Хуу-Хат: – Невинный?!.. Да я вше ж-шубы проела иж-жа него...

Алтын Иргек: – «Вше жубы»?.. *(смеётся)* Как такое может быть?

Хуу-Хат: – Как-как... Шжаштавила Ледяную гору грышть... Как-как...

Алтын Иргек: – «Прогрыжла»?.. А теперь посмотри на свои уши!..

(Хуу-Хат пытается рассмотреть свои уши)

Хуу-Хат: – А што мои уш-ши?..

Алтын Иргек: – Вот, как не видишь своих ушей, так и не увидишь и жеребёнка!..

(Алтын Иргек выхватывает свой меч)

Хуу-Хат: – Ха!.. Ты, перечишь шамой Хуу-Хат?!.. Ты... Да я!.. Я вше ш-жубы поиштёрла... пока добиралась до него. А ты хошешь меня оштановить?!..

(Начинается бой между Хуу-Хат и Алтын Иргеком. В это время жеребёнок выскакивает из укрытия и убегает.)

Хуу-Хат: – *(продолжая биться с Алтын Иргеком)* Вы, люди шолнешного мира – глупые люди... Не жная меня, брошаешь битышя шо мной... А я хотела ишо тебе денег дать, жакашь тебе хотела дать...

Алтын Иргек: – Заказ?.. Какой заказ?.. Заказы принимаю... А покушения на красоту не принимаю...

Хуу-Хат: – А?.. Не принимаешь?.. Хотода тебе скульптуру шжакажать... Таковую... маленькую из большо-ой скульптуры... Ты так умеешь?..

Алтын Иргек: – Не-а... Из скульптур скульптуры не умею делать...

Хуу-Хат: – А, ты вот как?.. А так ты умеешь?! *(вытягивает руки очень далеко, Алтын Иргек от изумления открывает рот, но в это время, руки Хуу-Хат обхватывают Алтын Иргека, притягивают к себе и...)*

Алтын Иргек: – Нет!.. Отпусти!.. Я должен запечатлеть ещё красоту жеребёнка...

Хуу-Хат неожиданно открывает огромный рот, куда целиком заталкивает Алтын Иргека и съедает. После этого зевает, глаза закатываются и она засыпает).

Картина седьмая

Хара Моос и Аран-Чула

Хара Моос играет на шестидесятиструнном чатхане – нечто, наподобие рояля.

Аран-Чула: – *(про себя)* Фу-у, досакал я до Хара Мооса... Поможет ли он мне?.. *(обращается к Хара Моосу)* Великолепный и прославленный Хара Моос... Здравствуй!.. Я Аран-Чула... Ты известен всему миру как лицедей – ты умеешь изменять свою внешность так, что тебя никто не может узнать...

Хара Моос: – *(наигрывая на чатхане мелодии)* Да, я умею принимать на себя облики других. Что из этого, мой прекрасный и стройный незнакомец?.. Не хочешь ли ты сказать, что ты не жеребёнок, а создал этот прекрасный образ жеребёнка и воплотился в него?..

Аран-Чула: – Нет!.. Я и есть жеребёнок... Но меня преследует опасность... Хуу-Хат хочет меня съесть... Я – Аран-Чула посланного небесами для очищения земли от нечисти богатыря-алыпа Алтын Тюбета...

Хара Моос: – А-а... Этого отпрыска Алтын хана?.. Слышал, слышал... Что сейчас с Алтын Тюбет?.. Как его миссия?..

Аран-Чула: – Ой, боюсь, что ему сейчас плохо... Он должен был биться с Хуу-Хат... Но Хуу-Хат гонится за мной... Спрячь меня от Хуу-Хат... Алтын Тюбет тебе будет благодарен...

Хара Моос: – На что мне благодарности?..

Аран-Чула: – А что бы ты хотел?..

Хара Моос: – Вот если бы он меня позвал на подвиг... На грандиозную битву в Сарампилах или каком-нибудь Чухонь-Чухоне...

Аран-Чула: – А что такое Сап... Срампилы? Там, что, идёт война?..

Хара Моос: – А, чёрт его знает, что там в Срампилах, и где оно находится... Подвигов хочется... Великих дел хочется... А ничего не происходит... Конечно, за отпрыска Алтын хана и жизни не жалко... Конечно, я тебя преобразую... В кого бы ты хотел превратиться?..

Аран-Чула: – В кого угодно... Лишь бы Хуу-Хат меня не узнала.

Хара Моос: – Не бойся... Она не то, что не узнает, она испугается тебя...

Аран-Чула: – Как это?..

Хара Моос: – А вот как... Если нет великих дел, то люди шутят... Понял, малыш?..

(хлопочет вокруг жеребёнка... и жеребёнок превращается в Сивого Быка, главу всех подземных сил – Эрлик хана)

Хара Моос: – Ну, вот... Ты владыка всех подземных сил – Эрлик хан... Владыка подземных сил очень любит, когда ему играют на чатхане и поют горловым пением. Я долго ждал, когда же он пригласит меня, чтобы послушать моё пение... Но он не приглашает... Потому что у меня нет великих подвигов... Может, я тебе хоть спою... *(садится за чатхан и начинает петь)*

Это было в те далёкие года
Когда космическая мешалка,
Которую мы называем Сал-Бырос,
Котёл земли девять раз перемешав,
Отделял воды земные от тверди.
Это было в те ранние времена,
Когда космический половник,
Которого мы называем Чил-Бек,
Отделял медь от чёрной земли...
Он драконом нырял в пучину земли,
Он орлом взлетал над гладью земли...

(вбегают запыхавшаяся Хуу-Хат. Увидев Сивого Быка, падает на колени и кланяется)

Хуу-Хат: – О-о, Великий и Бесподобный... Нет на свете существа величавее тебя. Недостойная следа твоих ног, несчастная Хуу-Хат, покровительница всех сорока демонов, кланяется тебе. Здоровья и благодушия на многие лета!.. Ты меня прости, что побеспокоила твой великолепный отдых, о котором все остальные мечтают тысячи лет... Я поймала и посрамила цепями ничтожнейшего посланника небес Алтын Тюбета. А теперь я гонюсь за его Аран-Чулой. Аран-Чула бежала от меня через Ледяную гору – Пус-Таг. Но я прогрызла Ледяную гору, проделав в ней нору. Все зубы истёрлись об этот лёд, но я нагнала Аран-Чулу у алыпа Алтын Иргека. Пришлось мне съесть Алтын Иргека, чтобы истощавшее моё тело в погоне, наполнилось бы плотью, а истёршиеся мои зубы – выросли. Всего-то я три дня и три ночи спала. Больше этого я не смела спать. Теперь, вот, в погоне... сюда прибыла... Дайте мне высочайшее соизволение, продолжить погоню...

(Аран-Чула в облике Эрлик Хана немного растерялся, задрожал. Хара Моос, незаметно, головой кивает Аран-Чуле, чтобы он дал согласие)

Аран-Чула: – До... Дорогая Хуу-Хат... Иди... Догоняй...

Хуу-Хат: – Ой, что с тобой, мой Великий повелитель?.. От чего голос твой обмяк?..

(Хара Моос насторожился и отставляет чатхан, вставая на ноги)

Хара Моос: – Иди-иди... Тебе же сказали – иди, догоняй...

Хуу-Хат: – О, мой великий повелитель...

Хара Моос: – *(перебивая)* Да иди же, тебе сказали!..

Хуу-Хат: – Повелитель мой, ты меня назвал «дорогоая»?..

(Хара Моос толкает Хуу-Хат, посылая её в погоню)

Хуу-Хат: – Ты никогда меня так не называл... Ты настоящий Эрлик хан?.. Если настоящий, гаркни на меня, чтоб я испугалась, как прежде... *(Аран-Чула в образе Эрлик хана молчит)*

Хуу-Хат: – А-а!.. Несчастный Хара Моос!.. Обманывать меня вздумал!.. Меня, ненасытную на правду Хуу-Хат?!..

(Хуу-Хат бросается к Аран-Чула, но Хара Моос преграждает ей дорогу. Хуу-Хат, выхватив свой ржавый меч, бросается на Хара Мооса. Начинается большая битва. Аран-Чула, сбросив образ Эрлик хана, бросается убежать)

Хара Моос: – *(преобразившись в дракона, обвивает тело Хуу-Хат как удав)* Давно я ждал этого момента, Ненасытное Брюхо Хуу-Хат. Хотел проверить крепость твоих костей... Может, тогда я прославлюсь... *(Хуу-Хат успевает проглотить несколько камней)*

Хуу-Хат: – Если хватит у тебя сил раздавить вот ту гору, то тогда ты и меня раздавишь, не умный Хара Моос... Мои кости – это камни той горы...

Хара Моос: – *(принимая свой прежний облик и тяжело дыша)* Ладно, Хуу-Хат... Твоя смекалка взяла... *(преобразуется в саблезубого тигра и бросается на Хуу-Хат. Хуу-Хат сжигается, превращаясь в дикобраза с шипами-мечами. Тигр отступает)*

Хуу-Хат: – Некчемный Хара Моос!.. Хватит играть в игрушки!.. На каждую твою уловку я десять уловок выставлю...

Хара Моос: – Ладно!.. Твоя взяла... Убивай меня... Чем бесславно умирать от старости, я погибну за отпрыска Алтын хана, славного Алтын Тюбета, как герой, который будет жить в памяти и сказаниях людей солнечного мира... Убивай!.. Но я буду жить в сердцах людей...

Хуу-Хат: – Ха!.. Герой!.. Я не такая тупая, как отец твоих детей... Я превращу тебя в каменного истукана... Будешь тут стоять истуканом... Над тобой будут глумиться... а ты будешь мучиться и пальцем шевельнуть не сможешь, чтобы защитить себя... Вот твоя участь... Над тобой будут издеваться... обхохатывать тебя... А ты молча будешь сносить эти издёвки... Герой!..

(бросает на Хара Мооса коричневым порошком, когда туман порошка рассеивается, из тумана выступает каменное изваяние)

Хуу-Хат: – Вот так тебе... Доволен, герой?.. А где жеребёнок?.. Куда побежал?.. Ну, погоди, гадёныш!.. *(рассматривает следы, затем хлещет себя ржавым мечём по ляжкам, убегает)*

Картина восьмая

Край земли – место, где зубчатый край вращающегося небосвода сталкивается с краем неподвижной земли. Каждое столкновение краёв сопровождается снопом искр и горячей, там и сям, землёй.

Аран-Чула: – *(запыхавшаяся от бега)* О!.. Это, оказывается, край земли... Край земли!.. Вот он, ты какой... Вот это да-а!.. А куда бежать?!.. Дальше бежать некуда... И здесь ни травинки, ни лужицы... Как мне спасти жизненную силу Алтын Тюбета?.. Или прыгнуть мне сквозь зазоры в тот мир?.. Будет непростительно... если душа погибнет не от руки Хуу-Хат... а будет раздавлена краем неба... Нет... И там, ведь, мир нечисти, сторонников Хуу-Хат... Что делать?.. Что делать?..

Зачем мне эта доля?!.. Все жеребята бегают, скачут, не зная забот... Кругом трава... трава... Зелёная, сочная... Я бы тоже мог там резвиться... Стоит только выплюнуть душу Алтын Тюбета... Выплюнуть... И всё!.. Выплюнуть?.. О!.. Нет!.. Нет!.. Я обещал... Я обещал!.. Я дал слово!.. О!.. что было бы в мире, если бы люди перестали выполнять своё слово... Я не знаю, что было бы... Это может знать только Высокое Небо...

О!.. Высокое Небо... Ты послал Алтын Тюбета спасти мир людей от мира демонов... А я не могу спасти его жизненную силу... О!.. Вечное Небо, подскажи мне, что... как мне спасти чула Алтын Тюбета?.. *(молчит)*

Аран-Чула: – До края света я доскакал... Никого не осталось из людей солнечного мира, кто бы помог мне сберечь и защитить жизненную силу – «чула» Алтын Тюбета... Один огонь кругом... Может... Может дух огня, От Ине, поможет мне?..

(становится на колени перед каким то пламенем)

Аран-Чула: –

О!.. Тридцатизубая Мать-Огонь!..
Сороказубая Девица-Огонь!..
Сваривающая всё сырое,
Оттаивающая всё мёрзлое!..
Голова всех идущих вперёд,
Задница идущих позади всех...
Пробуждающая мечты, смотрящим вперёд...
Охраняющая покой не смотрящим вперёд...
Ты родилась вместе с небожителями...
Ты имеешь один язык с нижними...
Ты связываешь все слои мира...
Ты насыщаешь голодных,
Обнадёживаешь страждущих...
Помоги мне, Аран-Чуле Алтын Тюбета!..
Помоги Алтын Тюбету,
Исполнить его предназначение...

(маленькое пламя, еле горевшее перед жеребёнком, воспламенилось в огромный костёр)

Мать-Огонь: – Ты правильно сделал, Аран-Чула, что обратился ко мне... Чтобы спасти Чула Алтын Тюбета я тебе помогу... Беги отсюда к тем горам, покрытым вечным туманом. На вершине горы будет море из огня. Посредине этого моря есть остров, на котором ты сможешь спрятаться. Смело прыгай через огонь и пламя на этот остров. Там тебя Хуу-Хат не догонит, она огонь перепрыгнуть не сможет... Беги туда, маленький жеребёнок.

Мои воины готовят уже свои золотые луки, чтобы защищать тебя.. Иди... Иди туда...

Аран-Чула: – Спасибо, тебе, Мать-Огонь!.. Спасибо!..

(жеребёнок ускакивает в указанном направлении)

Картина девятая

Появляется Алтын Хан и Алтын Чечекей.

Алтын Чечекей: – Так вот спасся Аран-Чула от ужасной Хуу-Хат. Хуу-Хат три раза обежала огненное море и никак не могла запрыгнуть на остров. Золотые стрелы пламени не пускали её на остров...

Алтын Хан: – На том острове Аран-Чула вырос в богатырского коня... При его неспешном беге, камни под копытами в пыль разлетались, вот какой он стал богатырским конём... От ветра, поднимаемого при беге богатырского коня, вековые деревья валились на землю... Такая была в нём сила!..

Алтын Чечекей: – Ты это... чего?!.. Из-за твоей дурусти всё это началось, дуралей...

Алтын хан: – А что я? Я сам что ли?... *(замолкает)*

Алтын Чечекей: – Как только Аран-Чула почувствовал в себе богатырские силы, он пошёл по следу моего сына, Алтын Тюбета, и нашёл его...

Алтын Хан: – Копытами задних ног он разбил каменное основание оси мира и освободил нашего сына!..

Алтын Чечекей: – *(передразнивает мужа)* «Освободил сына...» Из-за тебя всё вышло!..

Алтын Хан: – Ну, сколько можно?.. Видишь, какие чары у Хуу-Хат?.. Кабы знал... Я что... враг своему сыну?..

Алтын Чечекей: – «Кабы знал»!.. Кабы не я, так бы и лежал в сундуке до сих пор...

Алтын Хан: – Ну, Чечекей, суженая моя...

Алтын Чечекей: – Я отпоила моего мужа отварами... кое-как вернулся в человеческий облик... Живую душу имеющий аркан мы на Аран-Чула повесили, когда он пустился по следу моего сына...

Алтын хан: – Благодаря этому аркану выволокли Хуу-Хат на белый свет...

Алтын Чечекей: – Да, выволокли её на белый свет, и тут чарам её, благодаря смекалке моего сына, пришёл конец...

Алтын хан: – А её превратили...

Алтын Чечекей: – Угомонишься ты или нет?.. Забыл, как ты на меня кричал «глупая женщина»... Кто оказался глупым?.. Кто тебя отпаивал от чар?.. «Глупая женщина»... Как дам тебе, как ты тогда...

Алтын хан: – Ну ладно, ладно...

Алтын Чечекей: – Сейчас мой сын готовит каменные изваяния и ими затыкает выходы из под земли... А Хуу-Хат превратили в игрушку... Мой сын тоже умеет колдовать... Вот...

(Достает из-за пазухи коробочку, внутри которой маленькая кукла хуу-хат на резиновых шарнирах. Кукла вся трясётся, выкидывая колёнца и танцевальные «па».)

Хуу-Хат: – *(визжит писклявым голосом)* Я вам ещё покажу-у!... Покажу-у!... Вы у меня попляшете ещё!..

Алтын Хан: – Да ладно тебе... показушница...

Алтын Чечекей: – Сама пока попляши... *(Алтын Чечекей прячет коробку за пазуху)*

Алтын Чечекей: – Внукам нашим будет забава... Пусть они её не боятся...

Алтын хан: – Теперь мой сын затыкает все дыры из подземелья каменными изваяниями... *(смотрит на Алтын Чечекей, она, улыбаясь, молчит).*

Алтын хан: – *(продолжает)* Эти каменные изваяния ещё менгирами называют... На каждом изваянии изображают неразумного создателя солнечного мира – Алуу Оваа Ана, Небесного Предка-Дракона, с развёрзнутой пастью, направленной к выходу из-под земли... Чтобы черти, только соберутся из-под земли, как увидят их и «Ва-а!», и испугались... С этого времени не одна нечисть больше не выйдет в мир людей, пока не станут их вырывать из этих мест...

Алтын Чечекей: – Это мой сын – Алтын Тубет сделал...

Алтын Хан: – И Аран-Чула...

Картина десятая

Люди на телегах и на плечах носят каменные изваяния Окуневской эпохи, где изображены трёхглазые личины «Йоху Оваа», а внизу открытая пасть «Алуу Оваа Ана», направленная в сторону дыры, которую закрывают эти изваяния. Также несут и необработанные валуны, из которых художники высекают изваяния. Алтын Иргек со своим инструментом носится, показывая, куда нести валуны. Алтын Тибет стоит возле ямы, а к нему несут менгир и ставят возле ямы... Перед менгиром сидит Хара Моос и, играя на шестидесятиструнном чатхане, напевает горловую мелодию без слов.

Алтын Тубет: – Обитатели подземного мира, все черти и демоны... Если вы захотите мяса, то вот вам кладем мясо. Пусть всем страждущим хватит, чтобы не говорили – «не хватило нам»... *(кладёт на дно ямы кусочек сырого мяса)*

Если золота вам людей солнечного мира надо, то вот кладём вам монеты, чтобы вы не жаловались, что вас обделили... *(бросает несколько монет),*

А если вы молока захотите, которое пьют люди солнечного мира, то вот наливаем вам молоко, чтобы всем страждущим хватило... *(наливает молоко).*

А на границу между вашим миром и нашим вот стражем ставим Алуу Оваа Ана, Создателя вашего и нашего мира, отца Эрлик хана и отца нашего Хайра Хана Улгения! Да будет нерушима эта граница! Нарушившего да накажет дух Создателя нашего, Алуу Оваа Ана!..

(Все присутствующие, после этих слов ставят изваяние в яму, выравнивают, утрамбовывают, а потом хором повторяют: – «Да будет нерушима эта граница! Нарушившего да накажет дух Создателя нашего, Алуу Оваа Ана!» Всё это повторяют три раза, обходя менгир. После этого на менгир повязывают пояс, к поясу вешают цветные ленточки, и со словами «Будь строгим и уважаемым стражем нашей жизни кланяются менгиру. Последним подошёл Хара Моос, и после повязывания цветной ленточки, насторожился и поднял руку, призывая всех к тишине.)

Хара Моос: – Мне чудится или нет?... Кто-то поёт... Нет?..

Становится слышна печальная мелодия. Это прощальная песнь Лысой горы:

Хайра Хан! Хайра Хан! Хайра Хан!

Силы Неба, сойдите на Землю!..

Силы Земли, взвейтесь в Небо!..

Весть земную до мира известите!..

Из исчезающей глубины моей души.

Тысячи лет Лысая гора была горой,
Теперь я ухожу в бездну небытия...
Уходя в бездну небытия, прощаюсь я!..
О, великий отец всех людей, Улгень!..
Ты, имеющий на шапке «Амитера»,
В три цвета развевающиеся ленты,
Ты создал много разного скота.
Ты заполнил всю землю миром,
Ты возвратил Землю из бездны.
К тебе обращаюсь я, Лысая гора!..
Сотни лет скоту была я пастбищем,
Сотни лет была я людям местом игр.
А теперь я низвергаюсь в бездну,
Откуда не долетит сюда стрела,
Откуда не долетит сюда ни звука...
Утопаю я в бездну молчания
Я, утонув там, стану немым!..
О!.. Свирепый дух – Эрлик Хан!
Ты любишь опрокидывать чаши,
Ты любишь нависать над людьми,
Оглашая им кончину судьбы...
Ты, держащий свой путь при луне,
Твои глаза наводят тень на мир,
Ты видишь всё, ты знаешь всё...
Все мои камни уходят к людям,
Из Лысой горы я стану полем...
О!.. Мои Хайра Ханы, я ухожу...
Больше не будет Лысой горы!..

(Появляется Алтын Тибет верхом на повзрослевшем Аран-Чула. С ним и Хара Моос с чатханом в шестьдесят струн. Они с печалью слушают песню Лысой горы. К ним присоединяются и другие.)

Алтын Тибет: – Люди!.. Вы слышали песню Лысой горы... Слушайте, люди!.. Я вышел против Хуу-Хат, а мою чула хранил мой Аран-Чула... Хуу-Хат три раза обошла землю, гонясь за жеребёнком Аран-Чула... Но мои названные братья, Алтын Иргек и Хара Моос, помогли Аран-Чула избавиться от притязаний Хуу-Хат. Духи гор и Огня спасли Аран-Чула от бездны смерти... Мой Аран-Чула, выросши на острове в огненном море и став богатырским конём, спас меня... Теперь, мы, одолев чары Хуу-Хат, заделывая дыры каменными изваяниями, называемые «Кёз-Ээ», что означает – «Дух-Хозяин кочевья», начинаем новую жизнь. Но мы, таким образом, раздели Лысую гору, превратив его в поляну... Так давайте, вернём Лысой горе его имя горы!.. Пусть она не исчезнет как гора. Пусть каждый в благодарность горе, которая пожертвовала нам все свои камни, отнесём одну-две гальки, чтобы вернуть ей название горы...

Хара Моос: – И люди понесли камни, их было столько, что по новой выросла гора, не такая большая, как прежде, но гора... А Алтын Тибет сказал: «Отныне имя этой горы будет Юу-Таг, то есть «гора, которую сгребли» из галек...

Все присутствующие: – Пусть имя этой горы будет Юу-Таг, и пусть она напевает нам не прощальные песни, а поёт о подвиге Алтын Тибета... И новой эпохе без демонов, которую начал Алтын Тибет или Тибет Хан!..

Конец

Котюшев Иван Григорьевич (1919-1979)

И. Г. Котюшев родился в 1919 г. в улусе Нымырхалар Ширинского района. Тяга к поэтическому творчеству появилась у него с юношеских лет, однако, поэзией серьезно он начал заниматься после появления в печати, в газете «Хызыл аал», первого стихотворения в 1938 году. С тех пор он все чаще стал печататься на страницах газеты, а в 1949 году отдельным изданием вышел его сборник стихов «Белый Июс». В том же году И. Г. Котюшева принимают в члены Союза писателей.

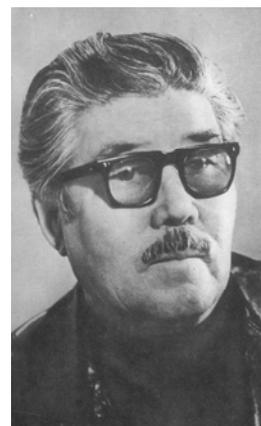
Ивана Котюшева называют пейзажным лириком. Об этом говорят и названия его сборников: «Половодье» (1935), «На берегу» (1956), «Следы на камне» (1963) и др.

Поэзия Ивана Григорьевича масштабна по содержанию и многообразна по форме. Поэт радуется новой жизни, удивительным переменам, происходящим на его родной земле. И в своей поэзии воспеваает красоту и богатство Хакасии.

Черёмуха

На горном кряже-исполине,
Где лес до неба достает,
Цветы роняя, словно иней,
Опять черемуха цветет.
Как будто тучка, над вершиной
Летя в полночной высоте,
Устав после дороги длинной,
Заночевала на хребте.
И над черемухой веселой,
Роясь взволнованно вокруг,
Гудят признательные пчелы,
Летают бабочки, как пух.

Михаил Еремеевич Кильчичаков (1919-1990)

В начале 1950-х годов в хакасскую литературу вошел Михаил Еремеевич Кильчичаков. Еще, будучи мальчишкой, он в 1936 году был принят в труппу Национального драматического театра. Потом были суровые годы войны, затем годы напряженной и интересной учебы в Литературном институте им. А. М. Горького.

Стихи Михаила Кильчичакова получили большую популярность. были переведены на многие языки народов мира. Многожанровая и талантливая поэзия Кильчичакова ярко представлена в сборниках стихов, изданных в Москве: «Старая лиственница» (1979), «Почему марал сбрасывает

рога» (1979), «Ожившие камни» (1983). Здесь и лирика, и сказания, и лироэпическая поэма «Хара Хус» («Орел»), и драматическая поэма «Ожившие камни», рубаи.

Сказание о двух реках

Как птица, что, разомкнув крыла,
летит в туманах в степной простор, –
так речка эта – светлым-светла –
несет поток свой ущельем гор.

По камням скачет, кипит она
и в брызгах пены о скалы бьет,
но даже скал тех крутых стена
сдержать не в силах ее полет.

Быстра настолько, что в глубине
березка тенью не колыхнет,
что зверь, спустившись к ее волне,
вплавь переправиться не рискнет.

А где-то там за горой крутой
течет без гальки и без песка
другая речка... И к речке той
стремится эта в громах река,

чтоб дальше мчаться волной одной,
две силы вместе соединив,
чтоб там, где травы сжигает зной,
росли колосья безбрежных нив.

Но речка тихая не ждала,
плела узоры среди лугов
и не заметила, как вошла
она в болото без берегов.

И не хватило той речке сил,
волны, что гнала бы все вперед, –
камыш ничтожный остановил
ее беспечно-ленивый ход.

На радость жабам болотным всем,
меж кочек глинистых растеклась,
а та – гремучая – между тем
уже степями вперед неслась,

глубоким руслом среди песков,
свой бег не сдерживая нигде.
И вдоль сухих ее берегов
росли деревья, склонясь к воде.

Разноголосый пернатый хор
был провожатым на всем пути...
Но не терпелось ей разговор
с той тихой речкою повести, –

сказать, как ветер в ущелье том
свистел на острых зубцах скалы,
как ночью темной внезапный гром
разлапых кедров крошил стволы,

как, вниз сорвавшись с седых Саян,
буран швырялся в нее песком,
как степь стремительный тот буран
сухим вылизывал языком...

(Перевел И. Авраменко)

Белый цветок

Что загрустил ты, цветок мой белый,
В степи широкой, склонясь печально?
Ковыль высокий, шурша несмело,
К тебе нагнулся с надеждой тайной.

И жаркий ветер своим дыханьем
Тебя, сорвавшись с вершин, ласкает...
Но, равнодушный к благоуханьям,
Цветок мой белый не отвечает.

Стоит печальным и одиноким,
От взоров прячет свой венчик нежный...
Иль мало влаги корням глубоким,
Иль солнца мало в степи безбрежной?

Но вдруг цветок мой услышал пенье
Пчелы веселой, что мед приносит;
Пыльцу с растения на растенье
Во славу жизни она разносит

И распахнулся перед певуньей
Цветок мой белый – дитя природы.
Пчела спустилась, к нему прильнула –
И дар его понесла народу.

(Перевела А. Шурыгина)

Старая лиственница

На крутом ребре, скалистом, горном,
Лиственницу ветры наклоняют.
А поверх скалы стальные корни,
Славя солнце, гору обнимают.

В вышине такой степная птаха
Не прорежет без опаски воздух.
Только два орла, не зная страха,
На плечах скалы свивают гнезда...

Но желтеют травы понемногу –
И скала горит, как золотая.
Птицы собираются в дорогу, –
В теплые края несутся стаи.

Лиственница старая, как прежде,
В вышине стоит, обнявши гору,
Не страшась морозов и в надежде
Новую весну увидеть скоро.

Шишки падают на землю с веток,
Чтобы новой поросли подняться.
С облаков орлы ей шлют приветы,—
С лиственницей как не попрощаться.

Только старая, обнявши гору,
Вновь питомцев грустью провожает...
Из гнезда без шума и без спора
Ветерок пушинки выметает.

И у старой больше нет сомнений,
Что пришла к осеннему покою...
И для нас наступит день осенний —
Стариками станем мы с тобою...

А питомцы наши выйдут в люди,—
Жизни их мы радоваться будем.

(Перевел А. Бондаревский)

Моя Хакасия

Хакасия, край мой! Родные просторы,
Вы мне улыбаетесь морем огней.
Широкие степи, высокие горы
Навеки в душе сохранятся моей.

Мне слышится песня девчат круглолицых
На тучных полях, где работа кипит.
Та звонкая песня их — вольная птица —
Шахтеров в глубоком забое бодрит.

И где бы я ни был, я в думах с тобою,
Родная Хакассия — солнечный край!
Ты вышедших к знанью дорогой прямою
Детей своих с Ленинских гор ожидай!

И рада столица — Москва дорогая,
Привет через дали тебе она шлет,
Как мать за ребенком своим наблюдая,
Когда он впервые на землю встает.

И рада столица тебе, возрожденной,
Хакасия — младшая из дочерей.
Красуйся, расти, ты мой край обновленный,
Согретый заботой отчизны моей!

(Перевел А. Чмыхало)

Родной язык

Говорят мне порой:
«Бесцветен и убог наш язык родной!»
Эти жалобы, мысли эти –
Точно слякоть во тьме ночной:
Так вот илом да зыбкою мутью
Ключ захлебывается, звеня;
Так в грязи на глухом распутье
Увязают копыта коня...
Нет! (И здесь я с любым поспорю!)
Словно светлый лесной родник,
По весне устремленный к морю,
Чист и звучен родной язык.
Он звучит, сквозь сердца струится
И зовет, зовет за собой...
Дал он имя звезде любой,
зверю каждому, каждой птице.
Травам, тропам, ветрам – всему
подыскал он обозначенье.
Поспевай за его теченьем!
Ты учись постигать значенья
Слов – их запахи и звучанье...
Слышишь? Звоном полна округа,
Песни плещутся по лесам.
Даже птицы и те друг друга
Различают по голосам.
Вот за сорок мне,
Мчат года...
Много я под хакасским небом
Пел и прожил, и никогда
На язык свой в обиде не был.
Он живет, он живет века!
Он сквозь сердце мое струится...
Я у светлого родника
пил, все пил, все не мог напиться.
Не напиться мне!
И всегда я в жажде яростной...
Сквозь века я заглядывал, припадая
К руслу русского языка.
Так брожу стороной лесной,
Мудрость вечную постигаю...
И понятней мне речь другая,
И дороже язык родной!

Клятва

...Я вижу снова вихри непогод.
Земля изрыта язвами воронок.
Исходит кровью сорок первый год,
Как раненый волками жеребенок.
Я был тогда безусым...
Но успел я
Сквозь дым атак пройти уже не раз;
Когда под Ржевом смерть в глаза смотрела,
Случайный дуб меня от смерти спас.

Широкой грудью принял он гранату,
Врагами предназначенную мне.
Война звала...
И я ушел,
В огне
Обняв калеку, как солдата.
И я сказал:
– Я все снесу в борьбе,
Но о тебе вовек не позабуду.
Когда-нибудь я людям о тебе
Слагать стихи в своем улусе буду...
И с берегов степного Абакана
Я возвращусь узнать каков ты стал,
Цветешь ли вновь, болит ли твоя рана?–
И нынче летом клятву я сдержал.
И вот стоим мы в дальней стороне.
Вновь старый дуб чего-то шепчет мне.
И вот стоим мы рядом – два калеки...
Она в огне сдружила
И навеки
Нам руки покалечила она...
Что ж, боль проходит, раны заживают,
Но не забыть былого, не простить!
И если буря дерево ломает,
То остаются корни чтобы жить.
А где гуляли пули да метели,
Растут теперь зеленые дубки...
Я вижу сына в детской колыбели
И помню боль простреленной руки...
Нет, не хотим мы, чтобы наши дети
Шли вновь сквозь кровь, и пламя, и металл.
Нет, не допустим мы, чтоб нивы эти,
Края мои чужой солдат топтал!

Пётр Тарасович Штыгашев
(1886-1943)

Родился в аале Мадыр Таштыпского района в семье хакасского охотника Тараса Матвеевича Штыгашева. Закончив церковно-приходскую школу в 1900 году, поступил в Бийское миссионерско-катехизаторское училище. С 1908 года работал в школах Таштыпского и Аскизского районов. С 1930 года возглавлял Черногорское горнопромышленное училище. Последние годы работал редактором в Хакасском книжном издательстве, был членом комиссии по подготовке учебников на хакасском языке.

С первых лет учительства записывал народные песни, легенды и предания. На их основе создавал оригинальные произведения («Батрак», 1917). Написал ряд произведений, посвященных современности. С 1927 года его стихи, песни публиковались в газетах, в сборниках хакасской поэзии. Критики отмечали его значительный вклад в становление и развитие духовной культуры хакасского народа.

Его стихи возникли как продолжение фольклорных традиций – песен и тахпахов, они были выразителями чувств народа на те или иные события в жизни. Для народной, песенной поэтики определяющей чертой было строфическое построение. И Петр Штыгашев как начинающий поэт придерживался этой традиции. Его стихи, написанные в форме хакасского фольклора в простой доступной форме читались легко и были понятны читателю. Как истинный патриот, он любил Хакасию и воспевал ее красоту в своих стихах.

Таёжная река

С вершины белого тасхыла,
Где облаков клубится дым,
Ты вниз дорогу проложила,
Огнем сверкая голубым.
Не по лугам, не по полянам
Течешь, прозрачна и тиха, -
Струишь ты воды к Абакану
Там, где тайга шумит, глуха.
Где птиц стоит многоголосье,
Где белки по стволам снуют,
И где, кусты раздвинув, лоси,
Роняя капли, воду пьют.
Где всякий зверь живет без страха
В прохладном сумраке лесном,
Где старый буйный кедр с размаха
Кидает шишки в водоем.
И где медведь, любитель ягод,
Черники сладкой, словно мед,
Сопит, стремясь наестся на год,
И громко ягоды сосёт.
...Река течет, журча лениво,
Она мелеет в летний день.
Переплетясь ветвями, ива
Густую образует тень.
Здесь место выбери любое, -
Заснёшь, и крепок будет сон.
Опавшей, прошлогодней хвоей
Сомлевший воздух напоён.
Пчела поёт над иван-чаем,
Под ёлкой прячутся грибы,

А мы лежим, не замечаем,
Устав от утренней косьбы.
И на пришельцев смотрит зорко,
От любопытства осмелев,
Вертя головкою, тетёрка –
И вдруг уносится, взлетев.
А над водой мелькают искры,
И ты увидишь в глубине,
Как хариус от выдры быстрой
Пугливо спрятался на дне,

...Но край лесной теперь изучен,
В тайге дороги пролегли.
На берегах речных излучин
Мы золотой песок нашли.

Вопросы и задания

1. О каких живых существах говорит поэт?
2. Какие рельефные особенности Хакасии вы заметили?
3. На что из растительного мира обратил внимание поэт?
4. Как одним словом назвать то, что увидел поэт?
5. Найдите строки, в которых говорится о человеке. Это прямое упоминание человека? А в каких строках оно косвенное, не явное?
6. Каким чувством проникнуто стихотворение Петра Штыгашева?
7. Сколько в стихотворении строф? Какая рифма? Назовите стихотворный метр, которым пользуется поэт.
8. Как вы думаете, какие художественные средства помогают поэту воспеть красоту и богатство нашей Хакасии?
9. Превратитесь в художников и нарисуйте картину, которую себе представили.

Николай Георгиевич Доможаков

(1916-1976)

Николай Доможаков родился в семье батрака в улусе Хызыл-Хас (ныне Усть-Абаканский район Хакасии) 12 июля 1916 года. Окончил Абаканское педагогическое училище, после чего работал сельским учителем. В 1939 году поступил в Абаканский учительский институт, а в 1941 – в аспирантуру Института языка и письменности народов СССР. В 1940-е годы участвовал в создании Хакасского НИИ языка, литературы и истории, который потом и возглавил. В период с 1958 по 1963 год возглавлял Союз писателей в Хакасии. До самой смерти преподавал в Абаканском пединституте.

Первые произведения Доможакова были опубликованы в 1935 году. Он является автором первого в хакасской литературе романа – «В далеком аале» – повествующего о первых годах советской власти в Хакасии. Доможаков перевёл на хакасский язык ряд произведений У. Шекспира, А. Пушкина, М. Горького. Также он является автором многих трудов по хакасскому языкознанию. Его имя присвоено Национальной библиотеке Хакасии.

Речка

Затянул мороз речку тонким льдом,
И теперь у рыб с крышей светлый дом.
Водяной поток дном несёт песок,
Синей гальки в нём промелькнёт глазок.
Не шумит волна. Стихнул говор вод.
Солнце пламя льёт на зеркальный лёд.
Только звон коньков, детворы галдёж.
Без линейки тут уж готов чертёж.

Вопросы и задания

1. Похоже ли это стихотворение на предыдущее? Если нет, то почему не похоже?
2. Какая картинка появилась перед внутренним взором?
3. Какое средство выразительности преобладает в стихотворении?
4. Как решается в стихотворениях «Таёжная река» П. Т. Штыгашева и «Речка» Н. Г. Доможакова проблема человека и природы?
5. Попробуйте найти и зачитать мысли авторов о неразрывном единстве человека и окружающего его растительного и животного мира.

Приглашение (отрывок)

Если ты приедешь в наши дали,
Ты степной увидишь океан.
Берегами океана стали
Цепи Алатау и Саян.
По земле цветущей только ступишь –
Прирастёшь к ней сердцем навсегда:
Енисей серебряный полюбишь
И тасхылы синие от льда...

Вопросы и задания

1. Какой вы видите Хакасию в этом стихотворении? О каких даях пишет поэт?
2. Почему океан называют степным, а Енисей – серебряным?
3. Найдите в стихотворении незнакомые слова и объясните их значение.
4. Что такое тасхылы?
5. Попробуйте написать небольшое сочинение (стихотворение, рассказ), передающее ваше отношение к родной земле, дому, природе.

Наталья Марковна Ахпашева

Наталья Марковна родилась в 1960 году в селе Аскиз. Окончила школу №11 в Абакане. Работала наборщиком в полиграфпредприятии «Хакасия», училась в Абаканском филиале Красноярского политехнического института, где получила профессию инженера-электрика. Работала на «Крестяжмаше», в Усть-Абаканском управлении оросительных систем. В конце 1980-х вернулась в редакцию газеты «Советская Хакасия».

Стихи начала писать в детстве. Публикуется с 1985 года. Участвовала в региональных и всероссийских семинарах молодых литераторов в Абакане, Красноярске, Москве. В 1990 году в Красноярском книжном издательстве вышел первый поэтический сборник «Я думаю о тебе».

Наталья Марковна окончила Литературный институт им. А. М. Горького. В апреле 2009 года защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую проблемам художественного перевода «Переводческая традиция хакасских сказаний о богатырях (опыт прескриптивного анализа художественного перевода)».

Тайга светла

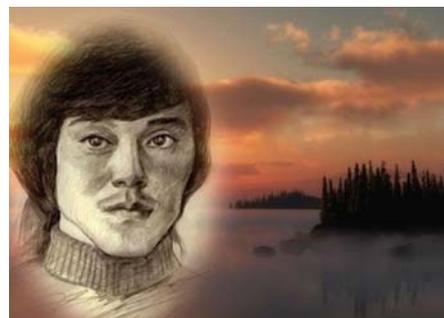
Тайга светла.
В её тяжёлых лапах
в разводах белых
синий небосвод.
Поляны душно-травянистый запах.
В траве жарков оранжевый народ.
Я, вырвавшись из городской каморки,
лежу в тени без мелочных забот.
И слушаю, как муравьишко тонкий
былинку узловатую несёт.
Держу зубами стебель золотистый.

Кислит немного муравьиный яд,
и чувствую,
как от земли струится
опавшей хвои горький аромат.

Вопросы и задания

1. Как чувствует себя человек наедине с природой?
2. Напишите сочинение – миниатюру на тему «Моя родина с высоты птичьего полёта».

Анатолий Петрович Кыштымов (1953-1982)

Поэт-лирик родился в селе Московское Усть-Абаканского района Хакасской автономной области, в семье крестьянина. Ещё в школьные годы начал писать стихи. В 1971 году Анатолий окончил школу, и год работал в родном совхозе на стрижке овец. В 1972 году поступил в Абаканский государственный педагогический институт на филологический факультет. Был бессменным редактором факультетской газеты, членом литературного объединения института. Выступал со своими стихами перед студентами. Кроме поэзии, увлекался рисованием, резьбой по дереву.

После окончания института работал в абаканской школе №10 г. учителем черчения и рисования, потом художником-оформителем в отделении железной дороги и во Дворце пионеров г. Абакана. В этот период в жизни поэта происходит важное событие: у него появляется семья. Он стал хорошим отцом приёмному сыну и родившейся дочери. Все новые и новые стихи появляются на свет.

Все книги поэта вышли только после его смерти. Темы стихотворений Анатолия Кыштымова – природа, любовь, размышления о смысле жизни. За кажущейся простотой его строк кроется глубокая мысль. Образная, неподражаемая поэтика А. Кыштымова представляет собой богатый литературоведческий материал, а его проникновенные, свежие стихи вызывают постоянный, устойчивый интерес читателей.

Вот и зима

Вот и зима...
Опять пришла, блондинка,
Кусты обсыпала
Мельчайшим серебром.
Чудесной девушкой подбросила снежинки
И резко крутанула подолом.
На снег с небес
Слетаются снежинки,
Заката кони
Бродят по снегам,
Жуют снега, хрустят
И звонко динькают
Под небом бубенцы по вечерам.

Вопросы и задания

1. Как в стихотворении предстает зима? Какое средство художественной изобразительности использует поэт?
2. Как вы понимаете эти строки: «Заката кони бродят по снегам, жуют снега, хрустят и звонко динькают под небом бубенцы по вечерам». Что это за кони? О каких бубенцах идет речь? Как вы понимаете слово «хрустят»?
3. Какой приём использует поэт при сочетании согласных звуков [хр], [з], [в], [д], [б]?

Опускаю руки в струи снега...

Опускаю руки в струи снега...
Он идет с безумной высоты,
Опускаясь свадебно, несмело
На дома, на темные мосты.
Этот снег чудак. Он самый первый.
Самый-самый белый, как Любовь.
Ветер спрятался за белым деревом,
И щенок у дерева оглох...
Он сидит, чернеет, смотрит в небо,
От снежинок не уводит нос,
Думает, наверное, (наверное):
«Сколько белых мух, сколько стрекоз!»
Я беру снежинку, как ромашку...
Любит ли, не любит – ворожу...
Ты к окошку подбежишь в рубашке,
Крикнешь: «Мама! Снег!»
Я напишу...

Вопросы и задания

1. В этом стихотворении-откровении ярко проступает личность поэта. Вы когда-нибудь опускали руки в струи снега, ловили снежинки? Замечали ли вы, как животные реагируют на первый снег в своей жизни?
2. Как называет А. Кыштымов первый снег? Почему?
3. При помощи каких изобразительно-выразительных средств создается картина сказочной зимы?
4. Какая главная мысль звучит в стихотворении?
5. Выучите наизусть понравившееся стихотворение.

Виктор Викторович Угдыжеков (1930-1966)

Виктор Викторович Угдыжеков родился в 1930 году в селе Верх-Аскиз Аскизского района Хакасии. Окончив местную семилетнюю школу, поступил в Хакасскую областную национальную школу, затем учился в педагогическом училище. По окончании училища, работал учителем родного языка и активно занимался творчеством.

Его первые стихи были опубликованы в 1947 году в альманахе «Первые шаги», изданном на хакасском и русском языках. Поэт печатался в областной газете «Хызыл аал», журналах «Хакасия отары», «Огни Хакасии», «Енисей», в сборниках.

С выходом свет в 1958 году первой книги стихов В. Угдыжекова «Я сибиряк рождением», в хакасскую поэзию пришел новый яркий поэт.

Дорога в тайгу

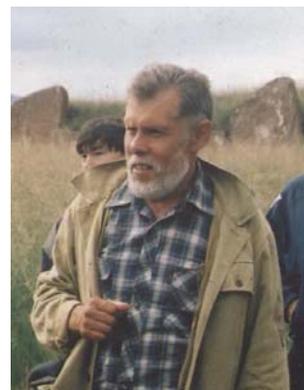
По холмам, по лугам дорога
Пробегает – то вверх, то вниз.
У высоких крутых отрогов
Катит волны свои Аскиз.

Наш автобус бежит, качаясь.
Пробудилась тайга от сна.
На пригорке, гостей встречая,
Головой кивает сосна.
«Дед, смотри, как горит работа!
Это стройка шумит теперь
Под Сахчахом, где шла охота,
Где таился таёжный зверь...
Не Венера над небосклоном
Тёмной ночью пленяет взор, -
Открывает путь эшелонам
Новой станции семафор.
Издалека весёлым светом
Бирикчүль-городок блестит.
Озорная песенка где-то
По тайге, как птица, летит...»
И глядит мой дедушка старый
На дорогу больших побед.
«От души тебе благодарен,
Наша партия!» – шепчет дед.

Ты, моя земля!

Ты, земля моя.
Край отцовский мой.
Как черемуха,
Век в цвету весной.
Край желанный мой.
Песней полнится.
В песнях любитя
То, что помнится.
Ты со мною креп
И со мною рое.
Дорогой улус,
Молодой колхоз.
Как живая кровь,
Здесь течет Аскиз
Как у девушки,
Взгляд Аскиза чист.
И гуляет луна
Над нивою,
Над широкою
И счастливою.

Игорь Леонидович Кызласов

Игорь Леонидович Кызласов родился в 1951 году в семье известного советского археолога Л. Р. Кызласова в Москве. Окончил исторический факультет МГУ по кафедре археологии (1974), защитил кандидатскую диссертацию по теме «Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X-XIV вв.)» в 1977 году. В 1990 году защитил докторскую диссертацию на тему «Рунические письменности евразийских степей. Проблемы источниковедения».

Еще в школьные годы дважды побывал в археологических экспедициях. Впоследствии проводит активную самостоятельную экспедиционную деятельность: центральные регионы России, Хакасия, Тува, Якутия, Алтай, Украина, Таджикистан, Болгария и другие.

И. Л. Кызласов написал книгу для детей «На берегах Енисея», в которой рассказывается о древних памятниках Хакасско-Минусинской котловины.

На берегах Енисея (отрывок)

Вводный рассказ

Даже бурному Енисею, родившемуся в горах и на плоскогорьях Тувы, нелегко пришлось в хребтах Западного Саяна. Долго пробивали теснины могучие струи, стараясь быстрее вырваться из каменных объятий горной страны, не пропускающей их на север. Грохоча валунами, со стоном вырвалась, наконец, река из полутемных ущелий и сразу замедлила свой бег. Позади остался мир жестокого камня, угрюмого и сурового. Енисейской воде раскрылся благодатный край плодородных степей, богатых травой широких долин, светлых березовых рощ и золотистых сосновых боров. Это Хакасско-Минусинская котловина – наиболее ласковый к человеку, наиболее щедрый край огромной сибирской земли. У самых предгорий в поселке Майна и в деревне Сизой плодоносят яблоневые сады, на ровной степной террасе левого берега раскинулся молодой город Саяногорск.

История древней хакасской земли... Сейчас ее напряженный пульс сильнее всего ощущается на берегах Енисея: Абаканвагонмаш – Электроград Минусинска – Саяногорск – Саяно-Шушенская ГЭС.

Археолог – рядом с первопроходцами всех наших новостроек. Его лопата и кирка звенят в такт молотку, вбивающему колышки разметки стройплощадок, его теодолит соседствует с треногой топографа и геодезиста. Мы сознательно трудимся для будущего, прошлое, вольно или невольно, жило ради нас. Непрерывна цепь поколений.

Чем был Енисей для наших предков? Каков их вклад в освоение человеком этой реки и ее долин? Какова помощь, оказанная нам через века, далекими трудолюбивыми предшественниками?

Наши краткие рассказы повествуют о древностях тех мест, где встала сегодня могучая плотина ГЭС.

Археологи с 1965 года работали над исследованием и спасением древних памятников в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС и на строительных площадках новых заводов. Им удалось обнаружить множество разновременных памятников, оставленных здесь человеком и в древности, и в период средневековья: стоянок и крепостей, могил и курганов, наскальных рисунков и надписей... Оказалось, что люди заселили этот край еще в каменном веке около 40-20 тысяч лет назад. Вооруженные копьями и стрелами с кремневыми наконечниками, охотники в погоне за добычей селились даже в глубине саянских ущелий. Их стоянки обнаружены при устьях рек Джоя, Уя и Хантегир. Около пяти тысяч лет назад люди, изготавливавшие свои орудия из первого металла – меди, а затем и более многочисленные племена бронзового века, поклонялись здесь древним божествам – «хозяевам» горной тайги и водной стихии. Лики этих божеств, начертанные

на скалах минеральными красками, сохранились у Джойского и Большого порогов Енисея, возле Кабачка и на Хантегире.

Остатки поселений и могил всех последующих древних жителей долины Енисея от эпохи бронзы до времени появления и освоения железа встречаются буквально повсюду на обоих берегах реки, как ниже, так и выше гигантской плотины ГЭС. Особенно много их при выходе реки из гор – в районе строящегося Саяногорска. Палатки археологов и их раскопы привычны здесь и для строителей и для всех местных жителей. Медленно шел тогда тот процесс, который мы ныне называем прогрессивным развитием человеческого общества.

Историческое развитие ускорилось только в период разложения первобытнообщинного строя и особенно – с формированием классового общества. Этот процесс бурно протекал в Хакасско-Минусинской котловине в раннем железном веке, главным образом около рубежа нашей эры две тысячи лет назад. Тогда впервые древние сибиряки создали весьма рациональную комплексную систему хозяйства, сочетавшую орошаемое земледелие со стойловым и отгонным скотоводством, горное дело и металлургию с охотой, рыболовством и собирательством. Это комплексная система хозяйства в целом действует в Южной Сибири и поныне, но, разумеется, в более высокоорганизованных формах и при современной технике. Особенно крупными в прошлом были экономические и культурные достижения в период средневековья, когда в VI веке появилось древнехакасское государство, к IX веку ставшее феодальным.

Рассказ первый

Выехавший на перевал всадник, прищурившись, долго всматривался в даль речной долины. С приглушенным расстоянием шумом, поднимая пыль, медленно извивалась по ней темная змейка, иногда поблескивая на солнце своими чешуйками. Чешуя эта была железной. Как тугой лук изогнулась шея поворачиваемого коня, как тетиву бросил всадник повод и понесся стрелой вытянувшийся скакун длинным пологим косогором. Тяжелый черный дым уже медленно поднимали к небу большие сигнальные костры ...

В VIII веке Саяны были южной границей древнехакасского государства. Коренные племена Тувы испокон веков были дружелюбными соседями и верными союзниками древних хакасов. Но долгие годы спокойствия сменялись и периодами больших тревог. Мелкие конфликты тщеславных феодалов казались лихими развлечениями в сравнении с днями, когда надвигались из Центральной Азии огромные полчища захватчиков. Так было в начале VIII века, когда покорили Туву владыки так называемого Второго Тюркского каганата. Высеченные на каменных плитах древние надписи сообщают, что зимой 710-711 гг., перейдя Саяны, древние тюрки «проложили путь копьями» и на Средний Енисей. Не прошло и пятидесяти лет, как в 758 г. в Хакасию вторглась армия нового хозяина Центральной Азии – Уйгурского каганата, и захваченные врагом «коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами».

Древние хакасы всеми силами старались укрепить свою границу. На Саянских перевалах, перекрывая горные тропы, возникли каменные стены и крепости. К пограничным защитным сооружениям относились и стена, находившаяся на правом берегу Енисея при впадении реки Голубой. Коренные жители помнят, что она называлась Омай-тура. Хакасы объяснят: это значит «крепость Омая». Название укрепления, вероятно, связано с именем средневекового бега Умая, а само оно, как установил археологический осмотр, построено древним и хакасам и еще в далеком VIII веке. Видимо, вал этой крепости использовался и позднее, так как и события позднего средневековья отразились во втором ее названии – Логинова осада.

Эта толстая стена, сооруженная из камней и земли и некогда облицованная каменным «панцирем», перегораживала здесь енисейскую долину поперек от самой воды до скалистых обрывов, на протяжении почти 260 м. В стене имелись одни ворота, перед нею был выкопан ров. На противоположном берегу Енисея, в этом месте вообще нет прохода: скалы обрываются прямо в воды реки. Древние хакасы отлично знали горное русло Енисея. Они выбрали для крепости самое узкое его место. Древняя стена отстояла от места сооружения ГЭС всего на двенадцать километров и находилась как раз там, где возводится дополнительная Майнская плотина энергокаскада. Возникшая при строительстве необходимость перегородить долину Енисея уже не с оборонными, а с промышленными целями, неожиданно привела к точному совпадению места строительства новой «стены» и древнего памятника. Можно сказать, что земляные работы предков влились в труд

гидростроителей. Кстати сказать, имя Умая – создателя древних сооружений близ Карлова створа, сохранилось в названии современного поселка Майна.

Ниже Омаевой стены речная долина начинает медленно расширяться, по берегу реки здесь уже можно проехать. Вот и перекрывала эти места «богатырская застава» древних хакасов. Зимой ледовое русло Енисея – хороший путь через Саянские хребты. И идущие с юга враги нередко пользовались именно этим путем. Когда уже в подвластном монгольским феодалам государстве в 1218 году вспыхнуло крупное освободительное восстание, старший сын Чингисхана Джучи, завершив карательные действия в Туве, зимой провел по льду Енисея в Хакасско-Минусинскую котловину свою огромную армию. Стена близ поселка Кордон показывает, что так же поступали захватчики-уйгуры еще за четыреста лет до монгольского вторжения. Видимо, древнехакасская стена сочеталась с какой-то системой укреплений и преград на замерзшем русле реки. Скорее всего, использовались бревенчатые завалы, намороженные валы и проруби.

Враг мог приплыть по реке и летом. Опасен Енисей в горных теснинах, но испокон веков отправлялись вниз по нему на плотах и лодках не только купцы с товарами, но и войска. На изображениях битв двухтысячелетней давности, найденных в древних могилах у горы Тепсей, враги нападают с лодок. Один арабский историк IX века сохранил до нашего времени запись древнехакасской сказки об отчаянном человеке, проплывшем на лодке сквозь горные ущелья в сказочную страну великанов.

В более поздние времена граница древнехакасского государства проходила уже не по Саянским хребтам, а гораздо южнее. Древнехакасские феодалы, начав в IX веке большую завоевательную войну, захватили территорию всей Тувы и Северо-Западной Монголии. Совершались тогда и далекие походы в Восточный Туркестан вплоть до Кашгара, а на восток даже до верховьев Амура. Граница владений хакасского кагана проходила по устью реки Селенги, берегу Байкала и Ангаре. Захвачен был и весь Алтай и Новосибирское Приобье. Одно время ставка кагана была перенесена к югу от хребтов Танну-Ола на земли современной Монголии.

Стратегическое значение саянской «трубы» Енисея выявляется не только благодаря описанной стене. В начале IX века, когда древние хакасы прорвались за Саяны, они закрыли каменной стеной и «вход» реки в горы. От устья Хемчика до долины Мугур-Саргол и дальше с перерывами до современного Шагонара и Элегеста по берегу Енисея были построены укрепления. Так стремились предотвратить возможные контрудары врага по районам Хакасско-Минусинской котловины. Через тысячу лет после создания Омай-туры в этих местах прошла граница Российской империи. И выход Енисея из Саян снова был закрыт крепостью. В 1718 году возле современной деревни Саянской на правом берегу Енисея был сооружен Саянский острог (его имя и сохранила до сих пор деревня). Цель его создания была сходной: предотвращение вражеских нападений на земли Хакасско-Минусинской котловины.

Но не только путем нападающих армий был Енисей в далекие времена. Нельзя забывать, что коренные племена и народы Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин издавна питали друг к другу дружеские чувства. И братство это как раз ярче всего проявлялось в горькие годы иноземных нашествий. Во время уже упоминавшегося похода на Хакасию древних тюрок зимой 710-711 годов, например, был совершен подвиг, которым по праву могут гордиться народы Южной Сибири. Собираясь напасть на Хакасию, полководец захватчиков Тоньюкук искал в Туве знающего проводника. Пошел человек из местного племени азов. Больше десяти суток водил он «через снег глубиной с копьё» по зимним Саянским хребтам огромную армию. А заведя ее в глушь, потомственный таежник вдруг объявил, что сбился с пути и дороги дальше не знает. И был заколот. Так, отомстив за растерзанную пришельцам и родину, этот человек не пожалел своей жизни, чтобы уберечь от надвигавшейся беды и братский народ древних хакасов. Конечно, он и не думал, что о делах его станет известно тем людям, ради которых он погиб в заснеженной тайге. Этот человек не мог себе и представить, что в том же VIII веке его враги древние тюрки опишут тяготы этого беспримерного похода, поведав и о поступке своего проводника, что рассказ этот, высеченный на камне, сохранится на протяжении многих веков и через тысячу двести лет станет известен далеким потомкам. Так, благодаря многим случайностям, свершилась историческая справедливость. Но имени этого человека мы, вероятно, уже никогда не узнаем.

Необходимо рассказать и о другом примере братства, проявленном в кровавые годы господства древнемонгольских феодалов. Саяно-Алтайское нагорье было захвачено ими уже в 1207 году,

на следующий год после того, как Темучин был объявлен верховным владыкой монголов под именем Чингисхана. Но свободолюбивые народы бассейна Енисея не покорились. На протяжении всего XIII столетия вспыхивали здесь восстания. В 1217 году в Восточной Туве восстали туматы, которые по сообщению самих монголов «были чрезвычайно воинственным племенем». Их разбили. Но в следующем 1218 г., когда монгольские феодалы потребовали для себя туматских девушек, туматы восстали вновь. Тогда на помощь истекавшим кровью соседям поднялся весь народ древних хакасов. Вот как пишет о том Рашид ад-Дин, летописец монгольских ханов: «... в год барса, когда восстало одно (из) племен тумат, для его покорения (монголы), из-за того, что оно было поблизости от кыргызов (так называли древних хакасов по имени их правящего рода Кыргыз), потребовали от кыргызов войска, те не дали и восстали». Имя предводителя древних хакасов в этой борьбе нам известно – им был полководец Курлун. Мятеж был подхвачен другими племенами Саяно-Алтайского нагорья. Разразилась нешуточная война. Хакасы большой кровью заплатили за свою верность братскому народу. Именно тогда карательная армия Джучи-хана прошла по енисейскому льду в Хакасско-Минусинскую котловину, опустошив цветущий край. Пятьдесят пять лет народ залечивал эти раны. Но в 1273 году вспыхнуло новое освободительное восстание. И снова енисейские народы вместе боролись с общим врагом. На двадцать лет удалось тогда освободиться от ига древнемонгольских феодалов. Только в 1293 году Саяно-Алтайское нагорье было вновь захвачено чужеземцами.

Юрий Анатольевич Черчинский

Детский писатель Юрий Черчинский родился в 1959 года в городе Абакане. Учился в Абаканском государственном педагогическом институте на филологическом факультете. Юрий Анатольевич автор многих пьес, повестей, романов, в которых поднимаются нравственные проблемы современных детей и подростков. Для школьников им написана повесть по мотивам хакасских сказаний – «Ханский посох».

Ханский посох (отрывок)

Летнее солнце жарко светило над степью. Давно не было дождей, и высокая трава пожухла, истощилась без влаги.

По степи стремительно скакали всадники. Копыта трёх десятков коней выбивали из сухой земли клубы чёрной пыли. Её подхватывал ветер и кружил по степи. Пыль забивала рот и ноздри, слепила раскосые глаза всадников. Но люди не обращали внимания на пыль, на сухой ветер. Люди убегали от смерти.

Впереди зеленой полосой приближался лес. Там были знакомые с детства тропинки, они спасут от врагов, уведут в горную тайгу. Далеко за спиной остались река Абыган, семиглавая гора, у подножия которой войска хана Алыпа были разбиты в безжалостном сражении. Крики, звон оружия, вопли раненых, дикое ржание коней, весь ужас сражения до сих пор звучал в ушах людей. Этим воинам удалось вырваться из окружения. И сейчас они, спасая жизни, неслись во весь опор к лесу, стегая плётками загнанных коней.

От коней валил пар, из ноздрей и рта выплескивались клочья пены. Копыта спотыкались о высокую траву. Всадники с трудом держались в седлах.

При взгляде на лес в сердцах воинов вспыхивала надежда, но, когда они оборачивались и видели большой отряд врагов, который стремительно приближался, глаза беглецов туманились страхом. Вот уже стрелы догнали двух оставших воинов, вонзились им в спины.

Могучий воин в окровавленных доспехах с золотым диском на груди поднял руку вверх и взмахнул ею вокруг себя. Кони замедлили бег, остановились. Всадники развернулись лицом к врагу.

– Нас перебьют стрелами, – крикнул хан Алып. – Разделимся на три отряда и ударим с трех сторон. Вперед! Вперёд!

Всадники пришпорили коней и, пуская стрелы, понеслись с трёх сторон на врага. Враги придержали коней: сотни летящих стрел мешали видеть. Заслонились щитами, решив, что беглецы проскачут мимо. Враги не ожидали отпора. Они были настолько уверены в своей победе, что опешили от внезапной атаки. Им казалось – они окружены, со всех сторон их разили мечи и копья. Копыта лошадей вырывали траву, вспахивали землю, поднимая пыль. Клубы черной пыли слепили, душили людей.

Налетел сильный ветер. Поднял густую пыль и улетел по степи в сторону реки. Всюду на бурой от крови земле лежали убитые воины, их было не меньше сотни. Они лежали вперемешку: убитые, раненые, с отрубленными руками, головами, пронзенные стрелами, с обломками копий в груди. В смертельной агонии бились раненые кони.

Воин с окровавленным лицом попытался встать, опираясь на сломанный меч, но его за горло схватил лежащий рядом воин. Схватил единственной рукой, другая была отсечена по локоть и обрубок брызгал кровью. Воины хрипели, дергались, пока их глаза не остекленели от холода смерти.

Два воина стояли, опираясь друг на друга. Поверх доспехов на груди у них сверкали золотые диски с сакральными изображениями предков. Голову высокого богатыря покрывал металлический шлем с полумаской и золотым обручем в виде короны, к которой приклепаны изображения духов, означающих мощь правителя. У второго богатыря панцирь, надетый поверх толстой стёганой поддёвки и усиленный на плечах металлическими пластинами, стягивал красный пояс с золотыми накладками с прикрепленным к нему ножом предков со священной бронзовой рукоятью. Золотые нагрудные диски, шлемы, красные пояса показывали врагам, что перед ними великий хан и князь. Поэтому во время боя их пытались убить первыми, во что бы то ни стало. И сейчас вокруг богатырей валом, один на другом, лежали поверженные враги.

Из пробитых на груди доспехов высокого воина, рядом с сакральным диском, толчками выплескивалась кровь. Лицо воина бледнело. Раскосые глаза туманились. Он попытался закрыть рану ладонью, но кровь отталкивала руку.

– Сайхан, мой верный друг, – с трудом проговорил высокий воин. – Я не помню всех наших битв. Мы всегда сражались плечом к плечу. Ты не раз спасал мне жизнь. Я много раз спасал тебя. Но солнце моей жизни закатилось. В глазах – туман. И руки холодны, как лёд.

– Хан Алып, до гор успеем мы дойти. Там лес, как старший брат, нас защитит. Там ночь, как мать, укроет от врага, – ответил Сайхан.

– Молчи, мой друг. Мне трудно говорить. Из раны вместе с кровью вытекает жизнь. Моё бездыханное тело спрячь в чреве двухглавой горы. Враг не найдёт. Не сможет надругаться. Мой сын Чалан – ребёнок. Береги его как сына. Пройдёт десять лет – передашь ему ханский посох. И первым поклонись Чалану как хану всех ханов.

– Клянусь! Пусть поразит меня молния, если нарушу слово.

– Клянись своим родом! Дети мои поклянись!

– Клянусь своим родом, клянусь и детьми. Чалан мне сыном будет, и через десять лет я передам ему твой ханский посох. Призываю солнце, ветер, облака в свидетели! Они всегда напомнят мне о клятве.

– Тебе я верю. И всегда в тебя я верил. Ты для меня как брат родной. Солнце, хоть на миг останови свой бег. Зашло. Погас последний луч. Прощай, Сайхан.

– Не уходи! Могучие тасхылы! Вода, бурлящая в потоках горных! Тайга, непроходимая для человека! Но почему? Почему вы пропустили к нам врага? Топчут родную землю копыта чужих коней! Холодное, безжалостное железо убивает горячие сердца. Ветер! Поднимись, раздуй огонь! Огонь! Сожги, испепели врагов. Пусть чёрным дымом улетают прочь.

Сайхан подхватил друга на руки. С трудом взвалил отяжелевшее, мёртвое тело на коня. Поймал другого коня из тех, что бродили рядом. Запрыгнул в седло. Погнал коней в сторону леса. Копыта звонко стучали по запёкшейся в камень от жары земле.

Небо набухало грозowymi тучами. Они закрывали солнце. Первые капли дождя упали на землю. Пошёл проливной дождь. Степь задышала, запарила. Потянулась каждой травинкой навстречу живой влаге.

6 КЛАСС

Хакасские мифы и легенды

У каждого народа существуют свои представления о зарождении мира. В течение нескольких тысячелетий он помнит своих героев, совершивших подвиги во имя добра и справедливости.

В прежние времена на Руси имена Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича воспринимались как имена реально существовавших людей, родовитые князья вели от них родословную. Например, воин Добрыня Никитич был в родстве с Владимиром Красное Солнышко. Тот же Добрыня Никитич сразился со Змеем Горынычем в его логове на Пучай-реке и победил его, несмотря на многие хитрости Змея. А бурятский герой Гэсэр очищал земли от чудовищ, победил демона севера, людоеда Лубсана. И сегодня мы любим героев национальных сказаний, гордимся их силой и достойной жизнью.

В хрестоматию включены миф о первотворении, миф о животных, легенда и предание хакасского народа.

Большая медведица (миф)

Именем Читиген⁵ называют семь звезд. По-русски это созвездие называется Большая Медведица. На небе видно, как позади всех идут друг за другом три брата. Перед ними находятся две звезды, – это их собаки, а перед собаками еще две звезды – это маралихи. Средний из трех братьев несет на голове котел и говорит:

– Если мы догоним маралих и убьем, то сварим их в этом котле. Так и идут они по небу друг за другом, вечно гонятся за маралихами.

Эти звезды никогда не исчезают, и хакасы их всегда сравнивают с охотниками.

Жаворонок – шаман-птица (миф)

Когда-то у девяти творцов-чаянов сильно заболела единственная дочь. Все испробовали, никто не может узнать, от чего ее болезнь. Остались только птицы. И вот вестники пошли искать такую птицу, которая могла бы помочь дочери чаянов. Встретился им черный подгрудник⁶. И тут же повели его к девяти чаянам: может, узнает, от чего дочь болеет. Когда он пошаманил, его одели в черное сукно. Идет он к себе домой, а по дороге встречает его Худай (бог) и спрашивает:

– От какого айна (черта) дочь чаянов страдает?

– Да сказать-то можно, но после того, как меня одели в черное сукно, какое мое дело, что с ней будет.

Как услышал Худай эти слова и разгневался на птицу и проклял ее такими словами: «Да пусть эта птица вечно долбит ствол дерева и этим питается».

А дочери чаянов стало еще хуже. Вестники снова отправились искать шамана. Встретили серого подгрудника⁷. Серый подгрудник говорит:

– Ну что же, пойду, поворожу.

И вот вестники ведут дрозда шаманить. После того, как дрозд пошаманил, на него одели пеструю одежду, и он отправился восвояси. По дороге ему встретился Худай. Когда он спросил птицу о болезни дочери чаянов, дрозд ответил:

– Э-э, – говорит, – после того, как раздели меня в пеструю одежду, какое мне дело, что с ней будет. Мне все равно!

Тогда Худай проклял дрозда такими словами: «Пусть эта птица твердое дерево долбит и этим питается».

А дочь девяти чаянов еще сильнее заболела. И снова вестники отправились искать, кто бы мог вылечить. По дороге они встретили Жаворонка. Когда попросили его больную полечить, он нехотя ответил: «Может быть, и выздоровеет девушка, если пошаманю».

Придя к больной, Жаворонок долго ворожил. Но когда стал собираться домой, отказался от подаренной хорошей одежды, сказав:

– Я не беру за это ничего.

⁵ Читиген (Чити хан) – букв. «Семь царей» (хакас.).

⁶ Черный подгрудник – дятел.

⁷ Серый подгрудник – дрозд.

Когда на обратном пути встретился Худай и спросил его, Жаворонок промолвил:

– Если Худай пожелает, может и выздоровеет.

– Хорошо, хорошо, – говорит Худай. – Вот мудро отвечаешь, ты будешь самым большим шаманом. С тех пор жаворонка называют шаманом-птицей.

Заблудившийся Антон (легенда)

На берегу быстрой реки на опушке тайги в юрте из белой кошмы жили три брата-охотника. Младшего звали Антон.

Как всегда с наступлением холодов они отправлялись в тайгу. Остановившись в глубине тайги, у подножья высокого тасхыла, они устроили себе шалаш, а наутро двинулись промысливать каждый отдельно в разные стороны. Младший брат Антон, пройдя несколько лошин и перевалив несколько хребтов, не увидел ни одного зверя. Шел он все дальше вглубь тайги, а когда надумал возвращаться, понял, что совсем заблудился. Долго ли, коротко ли – вышел он на широкую степь, что была покрыта зеленой травой и цветами. Прошел эту степь и вошел в необычную холодную тайгу. В той тайге деревья были иные, чем у них, и звери были не такие. Шел он дальше, убивал зверей и этим питался. Затем вышел опять на незнакомую желтую степь. Опять здесь было не так, как в родных местах. Дальше он увидел много шалашей на берегу реки. Посередине стоял шалаш побольше. Он зашел в этот шалаш. Там ходила девушка с косичками и в худой высохшей овчиной одежде. В стороне сидела морщинистая, сгорбившаяся старушка.

Антон поздоровался, а старушка начала спрашивать его:

– Откуда пришел, чужеродный человек?

– Жил в степной земле, заблудился в тайге. И вот не знаю, где я, в какую землю попал. Сколько лет и сколько зим я проплутал, тоже не ведаю.

Старушка велела дать человеку немного масла и попить. И потом только она приготовила еды. Когда он поел, старушка сказала:

– У меня одна дочь и два сына. Они отправились охотиться. Скоро они должны вернуться, а ты пойдешь им навстречу, а то как бы в ярости они не убили тебя.

Выслушав старушку, Антон подался по направлению горы. Там он подождал немного и, увидев двух человек, пошел им навстречу, снял шапку и поклонился. Они здороваются с ним и спрашивают:

– Откуда ты, незнакомый человек?

– Я заблудился. И вот дошел до этих земель. Не знаю, сколько лет и сколько зим прошло, как я ушел из дому.

– Ну что же, поедим к нам.

И вот Антон пошел следом за ними. Когда добрались до шалаша, они сняли свою добычу и снаряжение и вошли в шалаш. Угощают незнакомого человека, как своего.

Он остался у них, стал помогать в хозяйстве. Однажды он заметил у старушки мешочек с зубами. У дочери был такой же мешочек, но зубов в нем было меньше. Та поняла его удивление и сказала:

– Мы собираем выпавшие зубы в этот мешочек.

Он из этого не понял ничего.

Мало ли, много ли прожил он у них, начал привыкать к ним. Однажды старушка и говорит ему:

– Ты уже знаешь наши обычаи. Можешь жениться на моей дочери.

Антон согласился и женился на этой девушке. Братья подарили ему вороного коня. Через год у них появился ребенок. Вскоре жена говорит ему:

– Ты не ходи на вершину той высокой горы. Коль зайдешь туда, с тобой произойдет неладное. У тебя ум помутнеет.

Меж тем он ездил на охоту с ее братьями на своем вороном коне и убивал зверя несколько не меньше, чем они. Так живет он, не зная, сколько лет и сколько зим проходит. Только видит, что холодов на этой земле не бывает.

Но вот однажды, когда он охотился один, то подумал: «Что за вершина такая, что нельзя подниматься туда?» Порешил подняться на этот тасхыл и узнать, в чем дело. Когда поднялся, тут же вспомнил о своей жене, из глаз у него потекли слезы, защемило от боли его сердце. Когда вернулся домой, жена тут же спросила:

– Да как же не послушал меня и поднялся на тасхыл? Ты, видать, не сможешь жить на нашей земле. Думая и тоскуя по своей земле, ты истощишь свое сердце. Можешь и умереть от этого. Ну, вот что, удерживать я тебя не стану, возвращайся в свою землю.

Она приготовила ему еду на дорогу, позвала соседей и стала провожать мужа на свою землю. А старушка в это время разгадывает ему всю его дорогу.

– Вот сегодня сядешь на своего вороного коня. Поедешь ты отсюда к восходу солнца. По дороге встретишь холодную землю. На этой земле ты от холода и голода будешь мучиться. Ты будешь стареть, вырвешь у себя волосы, а они будут у тебя седые. Поедешь дальше, встретишь затем холод и жару вперемежку, тогда у тебя выпадут все зубы. А волосы все побелеют. Вскоре ты увидишь долины и горы, где ты охотничал. Это уже ваша земля. Затем доберешься и до родных мест. Может быть, кто-то из твоей кости и остался в живых. Наша земля – это особая земля, здесь люди не стареют и не умирают; когда они стареют, то теряют зубы, но тут же на их месте вырастают новые. А мы собираем выпавшие зубы в мешочек.

Назавтра Антон все приготовленное накинуд на коня, попрощался со всеми, обнял жену и сына и тронулся в путь-дорогу. Не взглянул он обратно и не потревожился. Долго ли, коротко ли ехал, встретил холодную землю, мерз и голодал там, ничего живого не встретил в пути. Затем, когда прошел эту землю, вырвал у себя несколько волос и посмотрел: они начали седеть. Вскоре он достиг земли, где было то холодно, то жарко. У него все зубы выпали, а волосы все побелели. Перевалив эти земли, он добрался до мест, где стало теплее.

Вскоре он достиг гор, где когда-то охотился. Затем, поднявшись на высокий тасхыл, увидел родные места и во весь дух помчался домой. Перевалив через горы, увидел юрты своего аала, услышал шум родной речки. Посмотрел хорошенько вокруг: горы как будто ниже стали, а речка ярче блестит на солнце. Он щелкнул бичом и подъехал к аалу, остановился около одной юрты. Хотел сойти с коня, но не мог, совсем пострел, кости отяжелели. Тут его быстро подхватили, ссадили с коня и ввели в юрту. Там сидел дряхлый старик лет ста. Он расспрашивал Антона: откуда он и куда направляется. А когда тот обо всем поведал ему, хозяин-старик сказал:

– Я слышал, что до нас жили три брата нашей кости. Младшего, говорят, называли Антон. Так вот, он на охоте заблудился и не вернулся домой.

Теперь только он понял, что лет двести проблуждал по тайге. Говорят, он на второй же день скончался, и похоронили его как древнего старика, передавая из уст в уста его похождения.

Мальчик на чужбине (предание)

Жил-был главою небольшого и небогатого аала старый богатырь по имени Арыхпай. Были у него жена и семилетний сын.

Налетели однажды враги, разрушили стойбище, угнали людей. Остались в аале одни старики, да кое-какой скот. Сына Арыхпая тоже забрали враги. И даже его не смог спасти старый богатырь, совсем у него сил не осталось.

Пригнали пленников к могучему Моол-хану. Кого пастухами сделали, кого работать по хозяйству и дому заставили. Семилетнему сыну Арыхпая наказали быть пастухом и оставили ему его коня. И вот пасет мальчик скот Моол-хана. Год пасет, еще год пасет. По родным местам тоскует, родителей своих вспоминает. Когда, бывает, всплакнет, иногда унылой песней свое горе-страдание утешит.

Умный был мальчик, внимательный. Все, что ни увидит, поймет и запомнит. Каждое дерево в лесу знал, все горы-вершины были ему знакомы. Но лучше всего в конях разбирался. Череп конский обветренный ему в степи попадется, так он по этому черепу все-все о коне расскажет.

Призвал как-то к себе Моол-хан мальчика и спрашивает:

– Говорили мне, что ты в степи плачешь и песни поешь. А я слышал, что ты в конях хорошо разбираешься. По костям гадать можешь, скакун это был, богатырский конь или какая кляча. Правду мне говорили?

– Да, – говорит мальчик, – когда мне плакать хочется – плачу, петь хочется – пою песни. Кости коней богатырских в степи увижу – родину свою вспоминаю... Но по душе мне живые кони, у которых грудь могучая, а ноги гибкие, как тетива у лука.

Услышал Моол-хан его смелые слова и приказал:

– Выбери из моих шестидесяти косяков богатырского коня.

Призвал Моол-хан всех своих пастухов и повелел:
Пусть этот мальчик выберет мне самого лучшего коня.
Ходил-ходил мальчик, все ханские табуны обошел. Смотрел-смотрел, ничего не высмотрел.
Вернулся к хану.

– Нет, – говорит, – в твоих богатырских табунах богатырского коня.

Разгневался Моол-хан:

– Ну, что же, нет так нет. Давай тогда об заклад биться. Ты на своем коне поскачешь, а я шестьдесят своих лучших коней пушу. Условие такое: если один из моих первым прибежит, я тебе голову отрублю, а если твой конь возьмет – всех ваших людей отпущу и сверх того всякими подарками тебя одарю.

Жестокое условие поставил Моол-хан. Но чем быть вечно на чужбине, лучше достойно умереть. Согласился мальчик. Только попросил немного времени ему дать.

– Ладно, – говорит Моол-хан.

В тоске и печали возвратился на пастбище мальчик. Стал готовиться к смертельному испытанию. То вскачь пустит своего коня, то выдержит его. Не кормил вовсе. Попробовал искрой помет конский зажечь – вспыхнул пламенем помет. Сел он на своего скакуна, перекинул на спину мешок с песком, поехал к Моол-хану на состязание.

А у черты, откуда должны бега начаться, шестьдесят коней уже стоят. Едва удерживают их. Встал и он рядом с ними. Вот дали знак, и началась скачка.

Мальчик волю своему коню не давал, придерживал его. Всех ханских коней вперед пропустил. Через некоторое время как гикнет он, как взмахнет со свистом плетью и пустил коня во всю его богатырскую силу. А сам приговаривает: «Друг мой, ты не раз в трудные дни спасал меня, не подведи и сейчас». Мальчик чуть с седла не слетел. Подтянулся к седельной луке, прилег, к шее скакуна приник. Только ветер в ушах свистит. Далеко позади остались ханские кони.

Возле метки, где скачке окончиться, народу видимо-невидимо. Мальчик еще плотнее прижался к коню, развязал мешок с песком – пылью ослепил всех, пронесся шелковой нитью и исчез. Никто не видел – куда девался быстроногий скакун.

Вихрем мчался конь к родным просторам. Вот уже свой аал совсем близко, а остановить скакуна не может мальчик. Закричал он тогда:

– Дорогой мой отец Арыхпай! Если есть у тебя еще сила, если хватит мочи, удержи меня и коня моего.

Услышал старик зов сына, вскочил на вороного коня, помчался навстречу. Видит, птицей летит на буланом коне его сын. Стегнул Арыхпай вороного, сравнялся с буланым, выхватил из седла мальчика – ни живого, ни мертвого. А буланный скакун так и пронесся мимо дальше. Говорили, что где-то на чужой земле на острый сук напоролся буланный и погиб.

Привез старый богатырь сына домой. Повстречался сын с матерью. От радости рыдают, от горя смеются.

Побыл мальчик дома, в родном аале, к Моол-хану отправился. Всех людей своего рода вернул.

Для самостоятельного чтения

Малые жанры УНТ. Пословицы и поговорки. Загадки. Хакасские пословицы и поговорки.

Хакасские сказки «Бай и охотник», «Волшебная книга», «Как бедняк бая обманул», «Птенец Турпана»

А. М. Топанов. Стихотворения: «Песня тракториста», «Где же ты, мой любимый», «Встреча».

Фольклорные традиции в поэзии А. М. Топанова;

В. А. Кобяков. Жизнь и творчество. Стихотворение «Песня о степи»;

И. Г. Котюшев. Жизнь и творчество. Стихотворения «Мне степь мила»;

И. Г. Котюшев «Сова», «Тополь и кустарник»;

М. Е. Кильчичаков «Сердце друга»;

В. Г. Майнашев «Песня о друге».

Юрий Анатольевич Иванов

Юрий Анатольевич Иванов родился в 1937 году в селе Балахта Красноярского края. После окончания средней школы учился в Красноярском техникуме физкультуры, затем поступил в Красноярский педагогический институт. После окончания педагогического института работал учителем в школе, в комсомольской краевой газете, в краевом комитете Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи. Свыше 35 лет проработал в системе просвещения, в профсоюзных, советских и партийных органах, в музее-заповеднике «Шушенское».

С 2002 года Юрий Иванов жил в городе Саяногорске и 6 лет возглавлял литературное объединение «Стрежень». О главной цели своего творчества, как и творчества других писателей, он говорит: «О чем бы ни писал прозаик, его мысль постоянно обращается к человеку, к проблемам нравственным и социальным. Смысл произведений Творца в том, что нужно стремиться к преодолению всего, что устраивает нам жизнь. Все это дает жизненный опыт, который так необходим. Иначе что мы будем передавать поколениям, какой след оставим после себя? Мои статьи, рассказы, стихи, заметки об историческом прошлом Шушенского, Хакасии, о проблемах экологических, о культуре – это скромные монетки в копилку нашей местной истории».

Последний визит

Два часа ночи, а Мария Александровна все еще не может уснуть: горькие думы, горькие. Вечером позвонила старшая дочка Лена. Она жила в соседнем городе. И, растерянная, всхлипывая, сообщила:

– Мама, приходил сейчас хозяин квартиры и предупредил, что если не рассчитаюсь с долгом, выкинет на улицу, дал три дня сроку.

– Не плачь, доченька, что-нибудь придумаем. Сколько там долгу-то?

– Да уже полтора миллиона... Ничего, ничего, Леночка, после уроков пойду по инстанциям...

Вот эти «инстанции» и тревожили сердце, спугивали сон старой учительницы.

Всего месяц назад, когда готовили к школе четверых внуков и нужны были деньги, она обила тогда ноги о ступени пяти разных контор и не без труда собрала 800 тысяч: 180 – в счет долга по зарплате и 620 сняла с накоплений в негосударственном пенсионном фонде. Куда пойти сейчас?

Мария Александровна жила одна, в однокомнатной квартире. Муж погиб в автоаварии три года назад. Ей было уже за шестьдесят, но она продолжала учить детей. Пенсия? Ее одной-то на жизнь не хватит. А кто поможет дочкам, четверем внукам?

Младшая дочка Аня жила в соседнем подъезде, тоже в однокомнатной квартире с мужем и семилетним сынишкой Андрюшей. Аня работала воспитателем детского сада, но зарплату почти не получала: давали хлеб, шифер, посуду... Муж Ани, бывший токарь на заводе, после его закрытия числился в «штате» бюро занятости, только и здесь вместо денег навязывали то затхлую муку, то прогорклое масло.

У Лены ниточка жизни еще тоньше: одна тянет лямку с тремя ребятишками. Муж растворился где-то в водовороте торговой ямы: уже больше года как бесследно исчез. Зарплата медсестры не ахти какая, да и ту выдают крохами. Вот и ждут дочери и внучата, как праздника, пенсию матери-бабушки. Ее-то пока исправно выдают, и хоть невелика – 392 тысячи, но все-таки к огородному продукту добавок какой. В земельный участок Мария Александровна крепко впряглась, да и дочки с внуками в пристяжке помогают: с весны до осени в поклонах земле изгибаются. Курей уладились тут же держать. Так вот и добывают себе пропитание, но деньги-то все равно каждый день

требуются: и мяса, и сахарку и молочка, да и конфетку, мороженое дети просят... Самые большие дыры – оплата за квартиру, телефон, свет, тепло, за одежду, обутки – без денег не заткнешь.

Вот уже третий год вянет без света душа Марии Александровны: горькие думы, горькие... Где взять деньги? Они вроде и есть, заработаны, только ей, без малого, четыре миллиона должны. Да вот не дают, врут всякое, обещают, мудрят с какими-то там зачетами. И бастовали уже не раз, да что толку – свои же тощие рубли рвать... Старая учительница понимала, кто-то лукавый запускает эти забастовки – мыльные пузыри в народ, да как-то за компанию со всеми вместе одурачивалась. Вроде и ума-то большого не надо, чтобы сообразить всем униженным и обиженным вместе, в один день подняться. Может, тогда бы воры-толстосумы одумались. Но извелись на Руси и большие, и малые колокола, измельчали душой мужи-звонари, брякают с трибун, брешут с телеэкранов. Горькие думы, горькие... О какие пороги, думает Мария Александровна, бить ей завтра ноги, каким начальникам поклоны гнуть? Лишь под утро нервной, чуткой дремой приглушила заботливая мать горькие думы.

Вымучившись на уроках, Мария Александровна зашла в бухгалтерию отдела образования, но кроме сочувствующих лиц и разведенных рук – ничего. Постояла в приемной главы местной власти. Из реплик побывавших в кабинете поняла: и здесь не помогут.

С упалой на грудь туманной головой, с онемевшими болью глазами учительница побывала в трех семьях своих друзей, окольно выяснила, что и они все с пустыми карманами. Так и утух этот день.

Вечером снова позвонила Лена.

– Мама, триста тысяч мне уже одолжили, дня через три еще пятьсот обещают. Но знаешь, мама, сейчас заходила женщина смотреть квартиру, в объявлении вычитала, что сдается в аренду. Вот гадина этот хозяйчик....

– Успокойся, Леночка; найдем мы деньги. Я завтра к тебе вечерним автобусом приеду, выходные у вас побуду, о ребятишках соскучилась.

Мать слышала всхлипы дочки, не зная, как ее успокоить, сказала вдруг:

– Деньги мне уже приготовили, только забрать завтра осталось, поняла, Лена?

– Ой, мамочка, правда?! – вспела радостно дочь, – приезжай, ждем, целую!

Горькие думы, горькие. И снова бессонная ночь.

На уроках голову Марии Александровны вскруживало так, что теряла она в смуте сознания лица учеников. Зоркие второклашки заметили неладное что-то с их любимицей, без солнечного света глаза, и говорит как-то вяло и еще глуше, чем вчера. Самая взбойченная в классе Олечка Скибина приобняла на переменке Марию Александровну и шепотом укорила.

– Почему таитесь, мы ведь видим, что вас кто-то обидел, только скажите, мы все...

– Никто меня, Олечка, не обижал, жизнь сейчас у всех тревожная, безденежная, вот и я заскучала немного.

На третьем уроке до взныва в груди, укальываясь о все тот же вопрос, где взять деньги, Мария Александровна неожиданно вспомнила своего ученика Мишу Бернацкого. Свыше тридцати лет минуло со дня их последней встречи в школе, а синеокий мальчонка, с чернявыми завитушками на голове увиделся с приближенной ясностью. И вспомнился Миша не только потому, что был и остался одним из самых памятных ее учеников. Имя его уже около года часто упоминалось в местной газете – он управлял коммерческим банком, и его называли в числе самых богатых «новых русских» в их городке. Деньги! Вот кто может одолжить необходимую сумму. И как это она не вспомнила раньше, две ночи мучилась...

Молодо зажурчал ручеек голоса Марии Александровны, освободилась от туч душа-солнышко, и таинством ее теплого излучения разогрелись затаившиеся детишки, и вознеслись все они на привычную сказочную высоту вдохновенной работы в стране знаний.

В приемной банкира учительницу встретила очаровательная блондинка с высокоструйными ногами-ножницами в узкой набедренной повязке. Больше часа пришлось ожидать Марии Александровне встречи с Мишей, Михаилом Борисовичем. Каждая минута томления по кусочку урезала надежду, но просительница молитвенно гоняла в озабоченной голове, одымленной окурным воздухом приемной: «Миша поможет, он не откажет...»

Тогда, много лет назад, Мария Александровна выделила Мишу за смекалистость и глаза – синие, синие, омагниченные нежностью и теплом, как вода желанной речки детства в полдень. Мальчик тоже тянулся к своей первой учительнице: помогал работать на уроках заметными

способностями, охотно провожал ее домой, брал у нее хорошие книжки. В пятом или шестом классе отца Миши перевели в областной город...

Когда секретарша провела Марию Александровну в кабинет и устроила в увязистом, низкоседлом кресле, она, худотелая, неурослая, затерялась в этом сооружении. Взламывая шею, учительница видела лишь круглый шар бритой головы Михаила Борисовича, который вращался в сторону маршрутов секретарши: она приготовила кофе, поправила портьеры, убрала окурки.

– Извините, но нет у нас сейчас оборотной наличности, кредиты временно не выдаем.

Облизно озирая поверх очков ходули секретарши, взбывшись, банкир был далек от настроения посетительницы.

– А вы не помните меня, Миша, я учительница.

– Извините, не помню, – беглолетом глазами и словом закрыл встречу начальник.

И ускорилось, заметалось сердце обескураженной женщины. Убойной, обжигающей волной окатило сознание, и в полупамяти, не зрячая, на ослабевших ногах она с трудом выбралась из униженно низкого кресла и с помощью секретарши, шаркая ослушными ногами, добралась до лестницы вниз. Здесь, оставленная, она припала к стене, потом скатом, как снег с крыши, осела на пол и, защищая онемелыми руками взбитую отчаянием голову, постанывая, завывала одичало, по-бабьи.

На экране, в хаосе воспаленного стрессом сознания Марии Александровны, вспыхивали и гасли странные видения: тающие, горящие, словно церковные свечи, бледные лица ее учеников из бедных семей, толпа женщин-матерей в черных одеждах, оплакивающая своих детей, и в горячей реке их слез вскорезженные испугом, знакомые лица правителей с пустыми глазницами и скелетными кукишами. Когда белокурая секретарша банкира, клацая ногами-ножницами, занесла их над головами внучат, обезумевшая женщина очнулась, и невольно вскрикнула: «нет!».

Неведомая энергия взбросила ее с пола. С печатью высокого страдания на лице, с воспаленными видениями глазами, узревшими нечто жуткое, иное, она, еще земная, но уже полетной походкой небесного человека, вырвалась из искалечившего ее склепа. Как пред святой, расступились перед ней люди улицы, остановились автомобили асфальта. И только одна иномарка, вестница судьбы с водителем-манекеном...

И взвыли от срубленных духовных пуповин души дочерей Лены и Ани, и прострельная, немая боль обожгла сердиночки четверых внуков и осиротевших второклашек. И вознеслась освобожденная душа Марии Александровны над бытовой суетою, над лукавством политиков, над обманом правителей, над забывчивостью учеников, над долей нищего русского учителя...

Вопросы и задания

1. Как автор описывает состояние главной героини? Какие художественные приемы использует для создания образа учительницы?
2. Чему учит данный рассказ? Как необходимо выстраивать взаимоотношения с людьми?

Валерий Викторович Полежаев

Валерий Викторович Полежаев родился в 1955 году в Богградском районе (станция Сон). Закончил филологический факультет Абаканского педагогического института. Во время службы в армии во Владивостоке работал в дивизионной газете «На стройке» «Дальвоенморстроя», сотрудничал с газетой «Боевая вахта» Тихоокеанского флота. Вернувшись в родные места, работал корреспондентом газеты «Путь к коммунизму», «Советская Хакасия» и др.

Валерий Викторович считает, что как народ, так и власть должны быть: первые – более патриотичны к своему государству, вторые – к гражданам. Нравственный комфорт души в людских отношениях должен быть определяющим началом в поведении человека. Переживать чувство полноты жизни, открывать ее новые страницы, не терять желания поделиться с людьми увиденным, прочувствованным и осознанным – основа творческого развития писателя.

Димка и Фимка

(глава из сборника рассказов «Алешкины рассветы»)

...Сейчас, после того, вроде бы незначительного случая, я порой думаю, чьи глаза бывают добрее – домашнего животного или (тоже домашнего) человека? На этот раз речь идет о двух милых и доверчивых щенках Димке и Фимке, и... Впрочем, не будем забегать вперед.

Так вот... Одно время я подрабатывал, заступая на сутки (через трое), на охрану Кабаньего острова, который находится на Нижней Согре, за бывшими обкомовскими дачами и всего в каких-то трех-четырёх километрах от Енисея. Точнее говоря, днем и ночью следил за порядком на развернутой здесь строительной площадке, и за всевозможной тяжелой строительной техникой: экскаваторами, бульдозерами, КамАЗами, а также складскими вагончиками и теплушками для рабочих...

Летом мимо шлагбаума, по пыльной объездной дуге, к Енисею проезжали рыбаки, ягодники, ближе к осени с ведрами и корзинами углублялись в приречной лес грибники, которые собирали здесь сухие грузди, маслята и так называемые «дорожки». Изредка наезжали и те, кто в ночное время пытался умыкнуть с частных покосов тюки сена или выкопать десяток-другой молодых кедров, высаженных между протокой и Енисеем предпринимателями, которые выкупили остров в свою собственность. В общем, было за чем наблюдать и следить!

У нашего «охранного» вагончика, установленного при въезде на Кабаний остров, вершинами уходили к небу шероховатые стволы пушистых сосен, звонко шелестели терпкой листвой тополя, чуть поодаль рос березняк и мелкий осинник, а у небольшого пруда-озерка, где по вечерам вилось столбиком комарье и плескалась рыба, с изгибом поднимались над водой плакучие ивы... Порой мы, охранники, обходя вверенные нам владения, наблюдали, как распушив хвост, с сосны на сосну, а то и на старые березы перелетали легко и резво завзятые хозяева этих красивых мест – белки. Вскоре за ними от дерева к дереву с громким переливистым лаем стали гоняться два крепеньких, уже подросших щенка – Димка и Фимка.

Они появились у нас в июне... Как-то под вечер к нам пришел старый дачник Григорий – с черной, чуть в седину, бородой, в старой, выдавшей виды, соломенной шляпе, и сказал: «У меня оценилась сука Настя, аж, представляете, шестерых принесла! Трех щенков я уже раздал, одного себе оставляю, а вот двух... Может, возьмете к себе на охрану? Лишними ведь не будут! Им уже третий месяц пошел, бегают, лают... А я... я всех не прокормлю». И он выжидательно посмотрел на меня и моего сменщика, только что приехавшего на велосипеде заступать на пост. Мы переглянулись...

– А что, – начал мой напарник Владимир, бывший геологоразведчик и вообще таежник, рыбак. – Пожалуй, можно и взять!

Он поправил поношенную, с мятым козырьком, кепку, почесал по знакомой уже мне привычке правым указательным пальцем свою рыжеватую бороду, насквозь пропахшую махорочным дымом и, ожидая моего согласия, которого, впрочем, не надо было и ожидать, взглянул на меня... Еще бы! Я люблю животных, особенно таких вот не пристроенных и, тем более, брошенных на произвол судьбы бесчувственными хозяевами.

– Конечно, возьмем, – сказал я. – Продержим ведь!.. Да и наши предприниматели прикупят уж мешок крупы-то! Ну, а кашу с мясом мы своим новым помощникам всегда сварим. Да и сытных обедков остается... Что уж говорить!

...Так у нашего вагончика появились Димка и Фимка, как мы их сразу, с любовью к поэзии, и назвали, а следом и добротная конура на двоих: чтобы по осени, а тем более, зимой, им было теплее. Правда, поначалу-то вместо конуры было лишь небольшое строение из досок и шифера, но скоро Владимир, всю жизнь привыкший жить вне дома, и умевший много чего мастерить, в два дня соорудил им надежную конуру под старой разлапистой сосной.

Димка – черный, с ушами, которые обрамляла желтая красивая полоска шерсточки, был смелее и шустрее Фимки, но Фимка, с белыми лапками – хитрее его, как и вся женская порода. Они вдвоем

с дружным лаем всегда выбегали меня приветствовать, когда я ранним утром подъезжал на «Жигулях» к вагончику, наперебой, чуть не перепрыгивая друг через друга, ластились к ногам, доверчиво и радостно виляли своими смешными, короткими еще, хвостиками. Мы с Владимиром очень полюбили этих молодых щенков, всегда каждый из нас по переменке – как, впрочем, и двое других наших напарников, готовили им еду на два-три дня, заваривая кашу в большой кастрюле – с косточками и мясом, – кастрюле, которую потом хранили в яме, вырытой в холодной приречной земле на берегу пруда-озерка. Да, к тому же, наших дружных собачек часто подкармливали и сами строители, а то и проезжающие мимо рыбаки, ягодники или грибники, а то и Сергей-пастух, по утрам всегда гнавший мимо нашей будки коров на пастьбу вглубь острова...

В лунные, а то и темные, без единой на небе звездочки, в летние, а потом и осенние ночи с опадающей листвой сухих тополей, теряющих желтизну берез или лепетом высоких прибрежных ив, вдруг раздавался звонкий, задиристый лай наших питомцев, и тогда я отставлял на столе книгу и выходил наружу... Нет, вроде ничего не было кругом особенного: просто проехал по дальней дороге мотоцикл позднего (или, наоборот, раннего) рыбака, или за старицей, на горе, где ступеньками крыш вверх поднимались дачи, где-то не то залаяла, не то забрехала старая собака... Тем не менее, я делал после этого получасовой обход территории с фонарем и снова возвращался в вагончик.

А по утрам, когда еще только кисейный туман поднимался над прудом-озерком и старицей, что успокоилась под тенистой горой, наши Димка и Финка с возбужденным лаем гонялись за прыгающими белками, задирая вверх головы, хвосты и азартно лая при виде того, как среди веток ретиво снует, перелетая с дерева на дерево, недоступная добыча. Иногда я подходил к щенкам, чтобы, подняв голову, тоже взглянуть на замеченную ими белку-красавицу, по-охотничьи верно обнаруженную и нюхом, и чуткими ушами собачьими... А потом, устав от преследования недоступных им летающих белок, Димка и Фимка ввязывались между собой в ребячливую драку, понорошку покусывая друг друга то за шею, то за уши или валясь наземь и кувыряясь там друг через друга до изнеможения.

...Однажды (дело было к обеду) у вагончика остановился серебристый «Land Cruiser». Из него выскочили два трех или четырехлетних мальчонка, потом появилась молодая мама в нарядной кокетливой кофточке, и, наконец, с целлофановым пакетом в руке вышел из-за руля отец семейства – молодой, но уже больше меры раздобревший мужчина в закатанных до колен легких штанах и клетчатой, навывпуск, рубашке. Семья явно ехала отдыхать на берег Енисея, и скорее всего – на шашлыки... Подойдя поближе, мужчина, нехотя обведя глазами вагончик, собачью конуру и меня, сказал:

– У вас тут, я уже видел как-то, две собачки живут... Можно, мы их покормим?

Я ответил:

– Да, живут себе – работают, ну да вот сейчас (я оглянулся на конуру, которая была пуста), они, знаете, наверное, убежали в лес... За белками все носятся, дурашливые...

Целлофановый пакет был наполнен мясной обрезью: замечательным, конечно, лакомством для Димки и Фимки! Я еще подумал тогда: какие добрые люди остановились у нашего вагончика: и собачек вот решили подкормить, и детей своих, на этом примере, воспитать доброму отношению к домашним животным... Мужчина между тем молчал, красивая молодая женщина беззаботно шутилась на солнце, а двое мальчишек замерли, стоя за спиной своих родителей.

– Ладно, мы на обратном пути остановимся, – вдруг неожиданно сказал, о чем-то подумав, скупой на слова хозяин машины и, повернувшись, и увлекая за собой все свое небольшое семейство, удалился к своему автомобилю. Машина, выпустив синий дым из трубы, равнодушно и независимо тронулась дальше, пропав вскоре за кряжистыми тополями и кустами калины.

Я остался стоять в некотором раздумье... Я просто не мог не подумать о том, а что, собственно, этим обеспеченным людям мешало-то хоть часть мясной обрезки взять, да и оставить прямо сейчас нашим Димке и Фимке, раз они привезли эту вкусную собачью еду именно для них? «Ну, да ладно, – согласившись с собой, решил я. – На обратном пути ведь заедут снова, остановятся... Да и эти наши дурашливые собачата, опять же... Ведь тоже хороши! – беззлобно продолжал думать я. – Вот взяли и, как будто нарочно, именно в это время куда-то и убежали, знай себе, носятся теперь по лесу!» Когда брат с сестричкой возвратились, обгоняя друг друга, к вагончику, – оттуда, из-за пруда-озерка, я погрозил им пальцем: дурачки вы, мол, прозевали такой обед, а!

...Вечером, когда на воздух поднялись столбы комарья и за дачную гору ушло солнце, серебристый «Land Cruiser», покачиваясь на ямках и буграх полевой дороги, приблизился к нашему вагончику. Я с радостью вышел навстречу добродушному семейству, которое сейчас было гораздо возбужденнее, чем утром. Папа с мамой о чем-то весело переговаривались между собой, а дети, видать, привычно бузили на заднем сиденье. У хозяина машины в руках оказался тот же целлофановый мешочек с мясной обрезью и еще, я заметил, в него прибавились остатки недоеденного шашлыка...

Все они, сытые и веселые, подошли ко мне, и чуть подвыпившая молодая женщина тоном, не терпящим возражений, сказала:

– Ну, где ваши питомцы? Давайте-ка их сюда! Пусть мои дети вместе с папой (она развязно-уверенно оглянулась на него) покормят их! У-ух, тут лакомства вашим собачкам-то!.. Наверное, редко им такое перепадает!..

– Да нет, – дружелюбно перебил ее я. – Мы их кормим, как и полагается. Но ваш этот поступок – он, конечно, дорогого стоит!.. Димка с Фимкой, конечно, с удовольствием отведают ваш мясной подарок.

Но так получилось, что и на этот раз, как назло, наших собачек не было ни в конуре, ни около вагончика! Я еще раз безнадежно оглядел местность, знакомую мне до кустика... Щенков не было, как нет!

Это понял и мужчина, лицо которого лоснилось на ярком солнце.

– Что, ваших щенков мы опять не увидим? – как-то недовольно, и совсем не скрывая этого недовольства, в ультимативной форме высказал свою претензию хозяин машины, и тут же, прикрыв рот, сдавленно и сытно отрыгнул... «Бог пищу принял!» – криво улыбнулся он вместо ожидаемого мною извинения. И, еще постояв с полминуты, добавил, как о чем-то давно решенном:

– Ладно, семья, поехали... Все в машину!

– Да вы не расстраивайтесь! – стараясь смягчить обстановку (хотя из-за чего, да и что было смягчать-то?), – произнес, тем не менее, я. – Вы оставьте пакет, Димка и Фимка прибегут, и я их накормлю вашей снедью. Добро не пропадет!..

Хозяин машины остановился на мгновение, взглянул, как я понял, на своих близняшек-сыновей, совсем не похожих по судьбе с Димкой и Фимкой, и, посмотрев куда-то поверх меня, как будто меня вовсе и не было, и я ему вовсе не говорил о том, чтобы он оставил мясную обрезь, привезенную ведь не для кого-то, а для собачек, – «рулевой» этот независимо зашагал, чуть гордо выпрямив спину, к своему серебристому автомобилю. В руке у него болтался (его!) целлофановый мешочек, который он явно, теперь я это уже понял окончательно, просто-напросто пожалел задаром оставить Димке и Фимке.

...Глядя в удаляющийся в город серебристый «Land Cruiser», я с легкой грустью (хотя, скорее, больше с горечью), подумал лишний раз о том, какой холодный урок не доброты, а безразличия, эгоизма и, по существу, плохо скрываемого хамства продемонстрировал только что сейчас своим растущим сыновьям рано не в меру располневший папаша и равнодушно взиравшая на все это чуть подвыпившая статная, и такая молодая и красивая женщина...

Подумал, конечно, я и о том, что наши Димка и Фимка ничего об этом их поступке или, точнее сказать, «подарке», никогда не узнают, и что они своими беззаботными, добрыми и смешливыми глазами, слава Богу, не увидели этих вот зеленых брезгливо-злых мужских глаз их заносчивого (и не состоявшегося!) «кормильца», так и уехавшего со своим никому теперь не нужным целлофановым пакетом мясной обрезки восвосяи – уехавшего в свой обеспеченный и обманчиво независимый, самогордяческий мирок...

Я сплюнул в сторону скрывшейся уже за поворотом иномарки и, чуть качая от удивления уставшей головой, пошел присесть на лавочку, что стояла под тополем у вагончика. Пошел, думая почему-то о ставшей для меня мудрой теперь фразы Козьмы Пруткова – фразы, которую раньше я вообще не воспринимал... Слава Богу, теперь я, кажется, понял афористичность этой, вроде бы даже совсем не философской глубины, фразы: «Живя, нельзя не удивляться».

А ведь случай-то, вызвавший эту фразу Козьмы Пруткова из родников моей памяти, по существу, произошел вроде такой совсем пустяковый!

Для самостоятельного чтения

- Н. Г. Доможаков. «В далеком аале». Картины родной природы в произведениях;
Ю. А. Черчинский. «Черное солнце»;
К. Т. Нербышев. Жизнь и творчество. Повесть «Ручеек Хорлана»;
Н. Е. Тиников. Жизнь и творчество. Повесть «Песни Кавриса»;
В. Г. Майнашев. Жизнь и творчество (обзор). Стихотворения: «Шум родных моих лесов»,
«Турпан», «Крапива», «Снова дышит весною природа» и др.
Героические сказания хакасского народа. М. Баинов. «Хан-Тонис на темно-сивом коне».

Иван Ярыгин (сказание)

Ниже ГЭС по Енисею
Там, где волны гор Саянских
Обнялись со степью нежно,
В устье двух сестренок-речек
Рыбаки и лесорубы
Обустроили поселок.
Здесь, в Сизой, подросток Ваня –
Озорной, спортивный, светлый –
Набирался сил, отваги,
Чтобы в спорте все Вершины
Покорить и стать легендой...

Все истоки лучших качеств:
Чистоту души и скромность,
Состраданье, бескорыстье,
Силу, ловкость и смекалку –
Обретал Ярыгин юный
В коллективе многодетном
С малых лет трудом упорным.

Десять ртов в семье той было,
Кроме мудрой мамы – Дуси,
Кузнеца-отца Сергея
И бабули Парасковьи.

Земляки дивились силе
И характеру Ивана,
Когда он азартно, ловко
Набирал по десять ведер
Ягод спелых и таежных

И, на спину торбу вскинув,
По тропе бегом и к дому.
Помнят сестры, как их братик
Обгонял в руках с литовкой:
За двоих были прокосы
У юнца-трудяги Вани.
Молотком-кувалдой часто
(вес кувалды был – полпуда)
Помогал отцу железо
Превращать в стальные вещи.
В день по семь кубов и больше
Дров березовых, сучкастых
Колуном с приличным весом
Он играючи накалывал.
Ловкой белкой вверх по кедру

Возлетал подростком Ваня,
Чтобы с веток шишки сбросить.
В редкий час свобод – досуга
Он футбол гонял с друзьями
И на лыжах с гор бесстрашно
Над трамплинами взвивался.
Вся семья в трудах-заботах
Круглый год жила напряжено,
Чтобы сытой быть, одетой...

С богатырскими плечами,
Двухметровым великаном,
С головою – солнцем ярким –
И застенчивой улыбкой –
Вот таким Чарков Володя
Ваню дивного увидел
И, как мастер ювелирный.
Он огранкой чудо-камня
С вдохновением занялся.

Первый шаг к Вершинам в спорте
Он, Иван Ярыгин юный,
Совершил здесь, в Абакане.
Опыт тренера Чаркова
И способности спортсмена
Помогли, и очень быстро,
Стать Ивану чемпионом
Среди юношей Союза.

В Абакане след Ивана
Можно встретить в автошколе,
На футбольном поле битвы
И в борцовских залах града.
А на мясокомбинате
Был он грузчиком полезным
И бычков за сотню весом
На плечах своих могучих
Разносил с лихой пробежкой
по цехам мясного монстра.
Время шло, победы были,
Но случались поражения.
И решил Чарков Владимир –
Человек и тренер мудрый:
Для того, чтоб еще ярче
Засверкал талант Ивана,
Он его коллеге-другу
В Красноярск направил с честью.

Здесь грузин Миндиашвили –
Тоже тренер – свет от Бога –
Закружил Ивана в вихре
Тренировок виртуозных,
Став почти отцом спортсмену,
Приютил в своей квартире.
Все приемы борцов лучших
Изучил, освоил Ваня.

Много новых вспышек-молний,
Комбинаций хитроумных,

Подготовили совместно
Для соперников сильнейших...
По ночам, детей пугая,
Они бились – колдовали
На полу-ковре домашнем,
Чтобы мины – невидимки
Поражением взрывались
Для соперников Ивана.
На Кавказе, в Дагестане,
Где борьба престижна очень,
Среди взрослых, самых лучших,
Было первенство Союза.
И украсил этот праздник
Наш Иван Ярыгин яркой,
Очень зрелищной, кавказской
Феерической борьбою,
Став по праву чемпионом!
И пошел дорогой Славы
Сибиряк по континентам:
Чемпион Европы, мира,
Победитель кубка мира...
Были сбои-пораженья...
Но они лишь прибавляли
Силу воли, вдохновенье
Для подъема к пьедесталу
Олимпийских состязаний.
Экстрасенс Миндиашвили
Закреплял молитвой Божьей
Эти качества Ивана.
И пришли салют – победы!
На земле германской Мюнхен
Стал столицей Олимпийской.
Вся Сибирь, Союз Великий-
Ждали, верили: Ярыгин,
Всем докажет, что Сильнейший.
И случилось это чудо!
Семь минут всего потратил
(из положенного часа!)
Наш земляк Великолепный,
Чтобы вбить в ковер лопатки
Дюжих, бравых чемпионов
Своих стран и континентов!
Это был рекорд – навеки,
До сих пор непревзойденный!
Нет, не только богатырской
Овладел Ярыгин силой:
Мать-природа, гены предков
Одарили ум Ивана
Быть способным к быстрой мысли...
Потом тяжких тренировок
Удалось лихую тройку:
Силу, технику и разум -
Так блистательно объездить,
Что синхронно, гармонично

Они так скакали быстро,
Что Иван на этой тройке
Обгонял всех именитых,
Вихрем-смерчем их сметая,
И взлетал на пик Победы!
На ковре во время схватки
Он творцом был виртуозным:
Мыслью-молнией ужальной-
Возбуждал он свои мышцы,
И, на долечку секунды
Мысль борца опережая,
Он сбивал его подножкой
Или дерзко, вдохновенно
Завлекал борца умело
В лабиринты бурь-приемов
И красивых, и победных!

Эти качества Ивану
Помогали в битвах грозных
Побеждать не только равных
Мастерством, борцовским весом,
Но и рушить, словно скалы,
Мастеров-борцов-гигантов.
На арене Красноярска
Он, Ярыгин, воин храбрый,
Стал сильнейшим, абсолютным

Чемпионом чемпионов
Всех борцовских категорий,
Одолев борцов-гигантов
По сто тридцать килограммов,
Хотя сам был «полутяжем» –
Весом в сотню килограммов.

В Олимпийском Монреале
(есть в Канаде такой город)
Вновь за титул чемпиона
Вышел биться наш Ярыгин.
Перед схваткою финальной
Три ребра в надломе были,
Но, скрутив тугой повязкой
Ребра, волю, зубы стиснув,
Наш Иван таежной Рысью
На ковер спортивный вспрыгнул
И соперника заставил
Силой мышц своих железных,
Акробатикой приемов,
Сдаться Грозному Ивану...
Вновь фанфары и салюты
В честь Победы Русской Силы!

Став двукратным чемпионом
Олимпийских игр Всемирных,
Наш земляк не возгордился.
Он по-прежнему был скромн.
Честен. Верен в мужской дружбе.

На ковре Иван смотрелся
Молодой березой русской
С головой осенней краски.
И, казалось, он случайно –
Обаятельный и смирный –
Перед грудой мышц могучих
Оказался на арене...

Но как только легким громом

Гонг давал команду к схватке,
Акробатом-матадором
Становился наш Ярыгин:
Вдруг взвивался он пружинно,
Как в балете, пируэтно,
И незримо подножкой
С ног сбивал борца-гиганта.
Но всего эффектней было,
Когда он над головою
Поднимал борца живого,
И свершало это тело
Над ковром полеты страха
И под охи, ахи женщин,
Под восторг мужчин азартных
Он кружил «добычу – жертву
И бросал с победным вскриком
В бездну горе – пораженья,
Опускал борца на спину,
Прессом силы необычной
Прижимая две лопатки...
– Ай, какой артист великий!
– О, какой борец могучий!
– Богатырь земли Советской!
– Ты есть Царь борцов, Ты – Грозный! –
Так болельщики стран мира
Выражали свои чувства.
Сотни, тысячи мальчишек,
Посмотрев борца Ивана,
Загорались свет – Мечтою
И спортзалы осаждали...
Завершив свой путь спортсмена,
Наш герой к вершине новой
За собой повел дружину
Борцов-вольников Союза.
Он, Ярыгин, главный тренер,
Нашу сборную команду
Все двенадцать лет умело,
Без запинок-поражений,
Вел, как опытнейший лоцман,
Через штормы состязаний,
Мировых и европейских,
Мимо рифов самых важных
Олимпийских поединков.
За победы на турнирах,
Самых главных и престижных,
Больше ста золотых медалей

Привезли за эти годы
Наши славные спортсмены,
В бой ведомые Иваном.
А когда в лихие годы

Он возглавил главный орган
Федерации борцовской,
Получил немало стрессов
Без финансовой поддержки
Новой власти неумелой...
Но друзья – их было много –
Помогли Ивану выжить
Где тактическим советом,
Где деньгами из карманов.
Малышков и Евтушенков,
Бородин, Муртузалиев
И Лужков в тот круг входили.
Наш Иван Сергеич дюжий –
Новоявленный чиновник –
С громким званием «Президента
Федерации борцовской»,
Смог спасти от крах-развала
Всю борцовскую структуру.
Наша сборная команда
Продолжала споры-битвы.

Быть сильнейшей на планете!
И медали золотые
Привозили чемпионы.
Флаг России поднимался
В честь борцов-героев наших.
А Ярыгин неизменно,
Обаятельный и скромный,
Прятал в тень свою фигуру,
Быть старался незаметным,
А ведь был – незаменимым!!!
Между тем Иван-Чиновник
Расширял границы царства
Борцов-вольников отважных:
На Кавказе и в Сибири,
И в Якутии холодной,
И в Хакасии любимой,

В нашем крае Красноярском –
Он помог открыть спортшколы
Для мальчишек беспризорных.
Скромнен был Иван Ярыгин,
Но за скромностью таились
Ум и мудрость, опыт жизни.
Эти качества Ивану
Очень часто помогали
Брать высокие барьеры...
Все дивились: как сумел он
Сдвинуть горы, чтоб устроить
Праздник спорта в Красноярске –
Мировое состязанье
По борьбе спортивно-вольной?
Это было так непросто...

В ту годину у России
Было очень мало денег,
Еще меньше – патриотов,
Чтобы в град тайги суровой
Заманить чинов высоких
И спортсменов знаменитых.
Но удался праздник спорта!
Ликовала вся элита
И болельщики Сибири.
Только он, Иван Ярыгин,
Вновь с улыбкой – в тень, за спины
Тех, кто очень сильно любит
Незаслуженную славу.
Вот таким он и остался

Наш герой – Иван Ярыгин –
В вечной Памяти Народной –
Обаятельным и скромным
И во всем – незаменимым!!!
В дружбе был Иван надежен,
Чуток, честен, благороден
И делился очень щедро,
И рублем, и Добром Словом.

А когда призвал Всевышний
В мир Высокой Божьей Правы
Душу Светлую Ивана,
Круг Друзей его надежных
Тоже чутких, благородных,
Поддержал семью героя
Материально и морально
А еще, в знак уваженья
К Человеку Луч – легенде,
Круг друзей его Надежных
Федерации борцовской
Постоянно помогает
Быть на пике прежней славы.
Когда вел ее Ярыгин
Через бури перестроек...
Да, Ярыгин многогранен.
Он не только был спортсменом,
Умным тренером успешным
И чиновником Достойным.
Был Ярыгин Дипломатом,
Спецпослом российской Силы,
Красоты и Обаянья,
Покоряя благородством
Всех поклонников стран Мира.

Наш герой – Иван Сергеич –
Семьянином был примерным.
Свою милую Наташу
Он любил-ценил безмерно.
А детей – Сережу с Аней –
Облучал сердечным светом
Из души своей прекрасной.
Для Ивана мама Дуся

Была Богом, другом, счастьем.

Он своими ей руками

Дом уютный в Майне строил.

Уважал Иван Ярыгин

И отца Сергея тоже:

У него мужским ремеслам

И таежной жизни сложной

Обучался он усердно.

Всей родне: сестрицам, братьям

И племянников ораве

Помогал рублем, советом.

Были им всегда открыты

Двери дома и карманы

Сердобольного Ивана.

И когда своим талантом,

Своим потом-трудолюбьем,

Заработал Иван деньги,

Он борцов Хакасской сборной,

Рядовых спортсменов тоже

Одарял борцовской формой

И коврами для занятий.

В Шушь – районе след Ярыгин

Зримый, памятный оставил.

Вместе с добрыми друзьями

Он помог добыть бел-мрамор

И в Сизой построить школу,

Храм-красавец православный

И дома для лучшей жизни.

Да, жилище-тело странно,

Неожиданно, трагично

Душу Вечную Ивана

Вдруг отторгло мигом боли.

И не стало рядом с нами -

Плоти солнечной с улыбкой...

Но в Москве и Красноярске,

А теперь и в Абакане

Он стоит на пьедесталах-

Молодой, красивый, Вечный!

И слагают о нем песни,

И былины, и легенды...

Он живет и продолжает

Своим именем – Ярыгин –

Славить наш народ российский,

И примером своей жизни

Он зовет свершать Победы

Юнцов новых поколений,

Чтобы множить мощь России

Трудовым, спортивным Делом!

Чтобы жить по Божьи: честно!

...Пусть же новые Иваны

И Сосланы, Александры

Крепко держат Эстафету,

И встают в ряды Дружины,

Где силач-боец Микула

И Добрыня, и Попович,
И Поддубный, и Ярыгин,
И Андиев, и Карелин,
Емельяненко, Бероев
И еще десятки, сотни
Имен славных, богатырских!
И пусть знают все народы,
Что в Большой стране России
Никогда не пересохнут
Родники могучей силы:
И борцы и хоккеисты,
И солдаты, офицеры
Биться могут до Победы
На коврах, аренах спорта
И на поле Ратной Брани,
Защищая Честь, Свободу
Своей Матери-России!

Для самостоятельного чтения

- Хакасский фольклор. Героический эпос «Албынчы»;
В. А. Кобяков. Рассказ «Выстрел»;
В. Балашов «Чужая вера»;
В. В. Угдыжеков. Стихотворения «Я сибиряк», «Ты, моя земля», «Отцовский дом», «Сосна», «Дорога в тайгу»;
А. Чапрай (Котожеков А. И.) Повесть «Караван»;
Творчество хакасских поэтов: Н. Г. Доможаков «Приглашение», М. Е. Кильчичаков «Моя Хакасия», И. Г. Котюшев «Хакасский сад», И. М. Костяков «Аскиз», В. Г. Майнашев «Рукавицы» и др.;
М. Р. Баинов. Стихотворения «Песни», «Слово о семисотлетнем дубе», «Выросла калина», «Здесь природа не знает тебя, человек...»;
Драматургия И. П. Топоева;
С. Кабачков «Хвоинки печального детства»;
М. Е. Кильчичаков. «Земля моя – Хакасия»;
В. Полежаев «Усинская тропа, или Вдоль Ойских берегов».

8 КЛАСС

Н. М. Ахпашева

* * *

Под тяжестью мохнатого шмеля
прогнулся стебель, тоненький и длинный.
Кружится и качается Земля.
Гудит шмеля мотор неутомимый.

Июльский полдень истомил поля.
Ромашки тихо лепестки склоняют.
Лежу в траве. Былинки ковыля
неосторожно небо задевают.

* * *

Гранитный бог сквозь времена глядит.
Как жадным червем, изъязвлён гранит.
Ковыльную растрёпанную гриву
Века за веком ветер теребит.

Дождь или снег – всё в свой приходит срок.
Гранитный лик однообразно строг.
Пунктиром муравьиная тропинка
Пересекла недвижимый зрачок.

На гребнях гор густой закат лежит.
Длиннеют тени от курганных плит.
И возле остывающего камня
Змея, в клубок свернувшаяся, спит.

* * *

Заболею скоро, чувствую,
Так некстати, как всегда.
На столе пирог с капустою,
В кружке тёплая вода.

Не хочу пить воду тёплую.
В сенях синее ведро.
Зачерпнула льдинку колкую –
Плавунец ушёл на дно.

Льдинка в горнице растаяла.
Пахнет вымерзшим бельём.
Лучше бы не выбегала я
На крылечко босиком!

У порога кошка серая
Водит лапкой – жди гостей!
Так некстати заболела я.
Так и дует из дверей.

А из зеркала так холодно,
Смотрит, будто бы не я.
Долгожданный гость из города
Скажет: «Бедная моя!»

* * *

Рваные сети на досках причала.
Ржавые цепи скрежещут устало.
Злого прибоя набат.
Взглядом, слезящимся в дали пустые,
женщина смотрит. И космы седые
Скорбно по ветру летят.

Что бы ей ни говорили, не верит.
Вечность насквозь ожиданьем измерит.
Море настойчивым ртом
жадно ласкает тоскующий берег.
Определён был неправильно пеленг,
И не вернулся никто.

Чьи-то мы тоже беспутные дети.
Чья нам надежда сквозь сумерки светит?
Замер упрямый компас.
Чайка кричит, как душа дорогая.
Небо тревожит молитва простая,
будто прощенье для нас.

* * *

Мой серый пёс

Здесь мир привычен к стуже и снегам.
Ревут по трассе мимо лесовозы.
Шершавой рукавицей по щекам
внезапные размазываю слёзы.

Пронзительнее раны ножевой
Необратимость медленных мгновений –
Мой серый пёс лобастой головой
беспомощно уткнулся мне в колени.

Ты шёл за мной по кромке бытия,
Где выжить – не последняя забота,
А там, куда теперь тропа твоя,
привольный край и славная охота.

Идут «КамАЗы» мимо, сквозь пургу
Выхватывая фарами из мрака,
Что кто-то на обочине в снегу
Скорбит над умирающей собакой.

Тускнеет с укоризной влажный взгляд.
Ну, вот и ты уходишь без возврата,
Из всех меня постигнувших утрат –
И меньшая, и горькая утрата...

* * *

Ветер повыстудил дом.
Тянет к двери от окна.
Горло колючим платком
Я замотала сама.

Тёплый стакан молока.
В банке на доньшке мёд.
Край шерстяного платка
Очень мешает и трёт.

Белую пенку сняла.
Мёд запивать молоком...
Мама! А мама ушла.
Ветер повыстудил дом.

* * *

Бетховен. «Сурок»

Я помню, как урок простой
Давался мне с тоскою:
«Из края в край иду с сумой,
и мой сурок со мною».
Зря обижались на меня
Счастливые подружки,
Пока упорствовала я
На скрипке-четвертушке.
Сердито закусив губу,
Забыв о доле лучшей,
Тянула – через не могу –
Мизинец непослушный.
И было, слёз не удержать,
Жаль маленьких скитальцев,
И больно – струны прижимать
Подушечками пальцев...
Но вот, как будто на парад,
Меня с утра собрали,
А на макушке белый бант
Огромный завязали.
Концерт ударных школьных сил
В районной шёл столице.
Учитель терпеливый был
Доволен ученицей.
Прости, не вышло из меня
Скрипачки знаменитой,
Но мне понравилось стоять,
Сиянием залитой,
У дня и мира на виду...
С тех пор своей судьбою
Иду сквозь радость и беду,
И мой «Сурок» со мною.

* * *

Из цикла «Чудесное дитя»

Дневные огорченья – за порог.
Сну сладкому – к нам до утра гостить.
Ладонки вместе – и на правый бок.
Что, непоседа? Сказку? Так и быть.
Закатом пышут маковки церквей...
Так вот. Царевна сиротой была.
Со временем жених сыскался ей.

Да мачеха царевну извела.
Яд в яблоке таился наливном.
Лишь надкусила девица-краса...
Стихает постепенно шумный дом.
Гостей весёлых смолкли голоса.
Мигают свечи пламенем живым.
Клубится тень в далеких уголках...
А что жених? Вдруг видит – перед ним
хрустальный гроб на золотых цепях.
Целует – и царевна ожила.
Пир знатный был... Спи, ангелочек мой!
Всё завтра будет – радость ремесла,
нимб славы над кудрявой головой.

* * *

Мне снятся запахи степные,
Цветов неброская краса,
Полей пространства золотые,
Отары дальней голоса,
У горизонта – горы, горы...
Губами трогаю траву.
Там, за горами, где-то город,
В котором я теперь живу.

В. Б. Балашов

Шаман-дерево (отрывок из повести)

...Вчерашний разговор о берёзе весь день не выходил у Игоря из головы, но разузнать что-либо у Матолая он уже отчаялся. Поэтому, когда тот стал спускаться к Абасугу, Игорь приотстал. Дождавшись, когда спутник скроется за скалой, Игорь пошёл напрямик к берёзе.

Каменный идол – как назвала его Мария Васильевна – вблизи впечатлял размерами: он был раза в полтора выше человеческого роста. То ли бурый камень, из которого он был высечен, плохо поддавался обработке, то ли древний ваятель не ставил перед собой цели отразить мелкие детали, но одежда и руки были намечены весьма условно. Орнамент, выбитый по всей поверхности камня, загладили от времени и местами утратил чёткость. Несмотря на предельную стилизацию, каменное лицо поражало какой-то завершённой характером: широкий приплюснутый нос, прижатые уши и вместе с тем задумчивые, словно смотрящие внутрь, глаза, рот с чуть наметившейся торжествующей улыбкой. Лицо показалось знакомым, и Игорь вдруг обнаружил, что оно напоминает лицо старухи Хара Хыс. Хотя что же тут удивительного – ведь это её предок!

Рядом чернело кострище. Судя по всему, костёр разводили на этом месте много раз – почва выгорела, и образовалось углубление. Игорь попытался представить празднество: высокий костёр, вокруг люди в старинных одеждах. Воображение дорисовывало детали, потому что везде видны были следы прошлых посещений: выгоревшие на солнце разноцветные ленточки на ветвях берёзы, забытые алюминиевая ложка и посошок с замысловатой резьбой, прислонённый к камню... Но ведь Игорь пришёл сюда не за тем! С каждой минутой рос в нём неясный страх, и так же быстро таяла решимость, но он знал твёрдо, что не уйдёт отсюда до тех пор, пока не услышит ЭТО.

Наконец, приложив ухо к шершавому и тёплому стволу берёзы, он стал напряжённо вслушиваться. Непроизвольно прижимался, видимо, всё сильнее и сильнее, потому что вдруг заломило в виске, потом боль перешла в напряжённую шею. Нет, он ничего, совсем ничего не слышал!

Одним глазом Игорь следил за трепетавшими от слабого ветерка ленточками на ветке, давно потерявшими от солнца и дождя свой первоначальный цвет – его ухо улавливало даже этот трепет.

Временами, казалось, пробивался неясный шум, исходящий неизвестно откуда: это мог быть и поток крови в виске, и шум выдыхаемого им воздуха...

Нет, так ничего не получится! Он обхватил толстый ствол руками и закрыл глаза. И тогда откуда-то из-под ног, словно поднимаясь по стволу, зазвучали глухие мерные удары: бум-м-м... бум-м-м... бу-бум-м-м... Они звучали всё уверенней, всё громче, ритм их то нарастал, то снова замедлялся – и вскоре Игорю начало казаться, что стоит разжать руки, стоит отпустить берёзу, как ноги помимо воли пойдут по кругу, подчиняясь изнуряющему душу и тело шаманскому танцу...

В какой-то прострации, мало что замечая вокруг, вышел он к метеостанции. Утративший ощущение реальности мозг пытался свести всё к чему-то понятному, объяснимому или хотя бы имеющему аналоги. Может, это сок движется под корой? Но ведь сей час не весна, да и ритм не должен меняться... Наверное, он слышал удары собственного сердца, и от волнения учащался пульс? Ну, конечно же! Но почему тогда возникало чувство опьянения, вернее, даже не опьянения, а восторга от великого понимания мира? Ведь было же понимание – он ощущал слияние даже с самой маленькой составляющей мира: с трепещущим возле глаз листком, с ветром, с воздухом, с запахом цветов?.. Или он с самого начала настроил себя, и это было самое обыкновенное самовнушение?...

Вопросы и задания

1. В мировом фольклоре давно сформировалось отношение к жилищу, как к безопасному пространству, охраняемому духами предков и огражденному от внешнего мира, враждебного человеку. Таким сакральным пространством в повести Владимира Балашова является поселок Алтын суг, недалеко от которого есть необычное место на вершине горы. Там растёт старая развесистая берёза – шаман-дерево, а возле неё возвышается каменное изваяние Таг ээзи, хозяйина тайги и стража Алтын суга.

Каким увидел это священное место главный герой повести Игорь? Отметьте самые важные детали описания каменного изваяния и места, где происходили ритуальные празднества.

2. Главный герой повести Игорь – городской житель, «истинное дитя двадцатого века: колесит по стране, живёт то в общежитии, то в палатке», у него нет «настоящего дома, в котором он родился и сказал первое слово, в котором до этого вырос кто-то из родителей, а потом, чтобы не нарушился главный жизненный цикл, должны родиться его дети – вот такого родового гнезда у него нет». Знакомство с жителями затерянного таёжного посёлка Алтын суга (в переводе с хакасского «золотая река») на берегу реки Абасуг (в переводе с хакасского языка – «Медвежья река») заставляет его по-другому посмотреть на свою собственную жизнь.

Какие чувства испытывает герой, находясь рядом с каменным изваянием и шаман-деревом? В чём это выражается?

3. Перечитайте последний абзац предложенного фрагмента.

Как В. Б. Балашов показывает, что Игорь взволнован, находится в смятении после посещения шаман-дерева?

Для самостоятельного чтения

М. Е. Кильчичаков «Ожившие камни»;

Г. Г. Казачинова «Ребята нашего аала»;

В. Татарова. Стихотворения «Бела птица», «Жеребёнок», «Шаманский дар», «Белые всадники», «Глухариный зов», «Чаа-тас»;

Жизнь и творчество Н. Г. Доможакова. Поэма «Галина»;

В. А. Кобяков «Чужой амбар»;

В. Балашов «Чужая вера»;

Н. Е. Тиников «Песни Кавриса»;

«Военная тема в творчестве поэтов Хакасии»;

9 КЛАСС

А. П. Кыштымов

* * *

Когда мне будет больно
До слез, до хрипоты,
Словно с крестом, с любовью
Простить меня приди.
Когда так станет плохо,
Что буду мир терять,
Я позову не Бога –
Я позову тебя.
Облегчить мою долю
Хотя б на миг приди!
И, как святой водою,
Любовью окропи...

* * *

Ничего не надо от тебя,
Только бы на твой нечаянный свет
Мне, впервые чувствуя себя,
Все смотреть, смотреть,
смотреть, смотреть...

Красота – как радостный родник,
Пить и пить, не открывая глаз,
С благодарностью за первый миг
И за каждый будущий молясь...

* * *

Идем по листьям некогда зеленым,
Тропинку уж успело занести.
Я говорю тебе «люблю» ладонью
И шепотом, ладонью же «прости».
Прости за то, что в лютую безлунность
Ты просыпалась, плакала тайком,
К воде горячею рукой тянулась
И запивала новый в горле ком.
А после, как ребенок после плача,
Вздыхала шумно, судорожно ты.
Прости за то, что поздно просыпался,
За сны мои спокойные прости.
Прости за это тихое молчанье,
За взгляд твой затуманенный прости.
Прости, что ты совсем не замечаешь,
Что осень вытворяет на пути.
Она жар-птицею к ногам садится.
Все краски Палеха пылают тут.
Но ты смежаешь медленно ресницы,
Где все обиды горькие живут.

* * *

Ты прости меня, что печальный...
Я сегодня увидел в окне,
Как старуха-разлука тайно
За окном улыбнулась мне...

Я проснулся, встревоженный этим сном,
Обернувшись, взглянул за окно...
Там старуха стояла за темным стеклом
И смотрела сюда сквозь него.

Ветер волосы ей разметал, растрепал,
Белым пламенем бились они.
Взгляд ее неподвижно на мне стоял –
В этом мире мы были одни...

Вдруг она улыбнулась мне страшным лицом
И рукой повела по стеклу...
И я вздрогнул, и понял, что это не сон,
А вправду она, наяву.

А она повернулась и плавно пошла.
Я смотрел. Приподнявшись, ей вслед...
И вдруг понял, что это разлука была,
Подала мне свой тайный привет.

Вопросы и задания

1. Вы познакомились с произведениями А. Кыштымова. Что ценного в них? Какие стихотворения особенно близки вам?
2. Как в лирике поэта выражены чувства лирического героя?
3. В чем своеобразие мастерства поэта в изображении природы и человеческих чувств?
4. Какие мотивы проходят через всю лирику поэта?
5. Выучите наизусть стихотворение А. Кыштымова. Проведите конкурс чтецов «В литературном кафе» по произведениям А. Кыштымова и других поэтов Хакасии.

А. Д. Козловский

Из цикла «Аскизские встречи»

Дождь в степи

Над Аскизом-улусом/степной ли столицей?/
Наклонились дожди, словно мать над дитём.
Над Аскизом ненастье листает страницы
Славных дней и бесславья: день за днём, день за днём...

Мы из этих же мест, но из мира другого.
Понимаем... и всё же не можем понять
Их уклада / ни сельского, ни городского/
И дожди, словно боль головную, унять.

Врачеватель душ человеческих, не можем
Отпустить им, как в церкви, мирские грехи,
Как сказал бы поэт: «Мы прохожие тоже»,
И всего лишь похожи на наши стихи.

Праздник

Шумит в райцентре праздник улицы.
Бурлит людской водоворот,
И в зеркалах дождей красуется
Весёлый сельский хоровод.

Прельщает песнями и танцами
/Толпа до зрелищ – напролом/,
Но поэтессы абаканские
Грустят о времени былом:
Об Иренеке – храбром воине,
Герое и богатыре,
О вековой беспечной вольнице...
А праздник – вот он, на дворе.

Авось, денёчек разгуляется,
Как дробный русский перепляс
Частушечный... и улыбается
В рубашке новенькой хакас.

Ему б чатхан достать, но сеется
Из тучи бусая вода,
И остаётся лишь надеяться
На милость Божьего Суда.

Зря поэтессы наши дуются,
Коль жизнь сполна своё берёт...
Плывёт, как лодочка, по улице
Девчат задорный хоровод.

Гастроли

Автобус красным поплавком
Нырнёт, как в воду, в степь... и
– С Богом! –
На крыше дождик босиком
Выплясывает всю дорогу.

Артисты будут кто дремать,
Кто грустно думать о синице
В руках... и божья благодать
С земною в души к ним струится.

Потом спектакль отыгран...и
Захлопнет клуб за ними двери.
В пенаты грустные свои
Вернутся, словно в лес деревья.

Их думы будут тяжелы,
Полны иного звона души...
Не пойманные журавли
Скользить в пространстве безвоздушном.

Концерт

Мы выступали в тёмных клубах,
В холодных школах деревень,
Но про любовь шептали губы
И в первый, и в последний день.

Не впопыхах и между делом
Клялись им верностью своей,
Хотя заполнились пробелы
В блокнотах строчками дождей.

Уютней становилось в зале,
Виднее, чем от фонарей...
И осветители роптали
Из-за никчёмности своей.

И все мы становились лучше
На злом смещении веков.
Тянулись родственные души
К волшебной зауми стихов.

Забыв про быт, простой и грубый,
Отодвигающийся в тень,
Мы выступали в тёплых клубах
И светлых школах деревень.

Волонтёрка

Она одета чуть иначе,
Одета не по моде, чудь.
«Подайте на приют собачий», –
И ей, представьте, подают.
Её, тут на углу «Почтамта»,
Привычно видеть всяким днём.
Стоит, прозрачная, как лампа,
И даже светится притом
Огнём души своей незрячей
/нет для неё плохих людей/.
«Подайте на приют собачий...»
Да гонят и её взашей.
Ушла, площадка опустела,
Но знают все, придёт опять.
Знать до конца не отогрела,
Тех, кого должно согревать.

Похоронка

На сына матери война
Вдруг похоронкой обернётся...
И станет жизнь его видна,
Как свет звезды со дна колодца.
И станут слёзы в глубине
Души одним глотком тяжёлым,
О всех убитых на войне,
Пришедших к Божьему престолу,
Стоящих, словно на плацу,

В пыли, крови, густой толпою...
И отвернётся Бог, слезу
Смахнув иссохшею рукою.

* * *

Калитку распахнёт Война...
Парнишка стриженный, нескладный
Шагнёт навстречу ... и Она
– Готов ли? – спросит, – Вот и ладно. –
И за собою уведёт...
Как птица, мать в окне забьётся,
И будет ждать из года в год
Его ... и верить, что дождётся.

Мы с той войны...

(Ю. Н. Забелину)

Захолустий сибирских мальчишки,
Сорванцы той поры горевой,
Когда с фронта, к заждавшимся слишком,
Возвращались солдаты домой.

Пусть не редкостью были в укладках
То наган, то немецкий тесак,
Примеряясь к находкам украдкой
Не могли мы смириться никак

С тем, что Колькин отец при погонах,
Да с коротким пустым рукавом,
А Серёжкин опять по вагонам...
И слезу утирает тайком.

Сколько было тогда инвалидов,
Укороченных жизнью на треть
Молодых и отчаянных с виду,
Только как им и вслед – то смотреть?

Время шло, стали красочней книжки,
Мягче говор у хлебных ларьков,
И фасонистей, кажется, стрижки
Шебутных пристанских мужичков.

Мы в обновах всё чаще ходили,
Забывалось про слово ВОЙНА,
Но ... на красных подушечках плыли
Самых лучших отцов ордена.

И какие бы ветры не выли
В переулках нескладной судьбы,
Нас те годы любить научили
Эту землю в заплатах беды.

В парке Победы

Стою у Вечного огня,
У памяти больной.
Зачем зовёт она меня
Куда-то за собой?
Металл звезды погладил... вдруг,
Как горечью со дна –
Латунный запах гильз от рук,
Прожжённого сукна...
Нестрогий падает снежок,
Но рвущийся к зиме,
Тот воин, кажется, продрог,
Что в бронзе на холме.
Ещё согреет ли, вопрос,
Огонь его в ночи?
Газ в неуплату, комунхоз
Грозится отключить.
И в чём теперь его вина,
Коль много лет назад,
Стократно заплатил сполна
За всё и всех – солдат!

* * *

Уйдёт последний ветеран,
Тогда спохватимся, но поздно.
Умрёт, и вовсе не от ран,
И не от напасти гриппозной.

И будет некого спросить:
«А как нам жить, неблагодарным,
С кем горе общее делить
И радость с кем делить попарно?»

Уйдёт последний ветеран,
Как совести глоток глубокий,
Иссякнут щедрые истоки
Былых побед, реляций, стран.

Уйдёт, уже не заменим,
И как поэт уйдёт последний –
Наш непосредственный посредник
Меж всем хорошим и плохим.

И станет явственнее ложь –
Религия земных кумиров,
Властителей умов и мира,
Пророков, нищих и вельмож.

Тогда нам легче станет врать
И мелко пакостить друг другу,
Ходя по замкнутому кругу,
Свои долги не возвращать.

Уйдёт последний ветеран...

Сапожник

В мастерской, отслужившей свой век,
Зачастую под честное слово,
Чинит обувь седой человек
Моментально – раз-два и готово.

– Только время пуцаю враспыл,-
Говорит он с заметной тоскою,-
Жил в деревне бы, сбрую чинил,
Снаряжал ребятишек в ночное.

«Коротая сиротские дни,
Не сроднившись с копеечным делом,
Ты, старик, нашу жизнь почини,
Мы латаем её не умело.

Почини без задир и узлов,
Чтоб носилась, износу не зная,
В суматохе больших городов
Жизнь трещит, как обутка худая».

Он молчит, но тяжёл его взгляд...
Блекнет отсвет заката на стенах.
Он молчит, лишь медали звенят
За Москву и «За взятие Вены».

Память

Всё в полном порядке сентябрьской порой,
Всё осень и как не суди,
Как будто солдаты спешат на постой –
Шеренгой шагают дожди.

Скрипучий протез отряхнув от земли,
Усталый, стоишь у ворот,
И кажется, что марширует вдали
Целёхонький первый твой взвод.

И хрипом атака не схлынет с души
В ненастье военной пурги...
И кажется, снова обмотки сушить
На целые обе ноги.

И нет выходных у тяжёлых дождей,
И праздников словно бы нет...
И прячет солдат от угрюмых людей
Потёртый привычный кисет.

* * *

Я прихожу туда под вечер
/туманны детства берега/,
С надеждой – может друга встречу,
А может статься, что врага.

Забылись детские обиды,
Кварталы врезались в сады,
И молодые инвалиды –
Теперь почтенные деды.

Их портупей и фуражки
Позатаскали пацаны,
И те, с отметинами, фляжки,
С полей взаправдашной войны.

Лишь неприметные протезы
При них /о чём там разговор/,
Да в теле рваное железо
Непрошено туманит взор.

Я прихожу туда проститься
С той трудной давнею порой.
У стариков печальны лица,
Но светел месяц над рекой...

Г. Г. Синельников

Красные маки

(глава из книги «Афганский капкан»)

Забродин Александр Карлович родился 18 мая 1963 г. в с. Каптырево Красноярского края. Русский. В Вооруженные Силы СССР призван в ноябре 1981 г.

Усть-Абаканским РВК. В Афганистане – с марта 1982 г. Рядовой. Механик-водитель.

Погиб 02.08.82 г. Награжден орденом Красной Звезды. Похоронен в с. Усть-Бюрь Республики Хакасия.

Провожали Сашу в армию шумно и весело. Гостей было много. Уходил призывник на службу с большой охотой.

– Рапорт напишу, чтобы отправили в Афганистан, – говорил он родным и друзьям.

И вот уже прощальный вечер, и завтра надо быть в Абакане на сборном пункте. Повестка вместе со всеми необходимыми документами лежала на телевизоре. Сумка с продуктами, вещами, кружкой, ложкой стояла на веранде. Саша трогал свою стриженую голову с короткой прической и в который раз уже говорил всем: «Классная стрижка. Теперь всегда такую буду носить, даже когда из армии вернусь – не жарко, и голове легко». Было уже очень поздно, когда сестра обратила внимание, что на кактусе, который стоял на подоконнике, впервые за все время его существования, расцвели три красивых цветка. Все удивились этому явлению, тем более зная, что кактус цветет один раз в 2-3 года.

– Меня провожает, – сказал Саша. – Следующий раз зацветет, когда я вернусь домой. И больше цвести не будет.

Через девять месяцев на кактусе неожиданно вновь появились цветы – целых пять штук.

– Вы смотрите, опять расцвел, – удивленно говорила мать детям. – К чему бы это?

Через несколько дней после того случая, а было это 14 августа 1982 года, Александра Максимовна пошла по своим делам на дальнюю улицу села. По дороге увидела стоящий автобус.

– Шура, иди к нам! – позвала ее из автобуса знакомая женщина. – Подойди, дело есть!

– Да некогда мне, потом поговорим. Нужно ещё за речку сходить кушать приготовить, детей накормить, мужа с покоса встретить. Не до разговоров сейчас, – отмахнулась она и пошла дальше.

Но вышла из автобуса медсестра, подошла к Александре Максимовне о чем-то начала ее спрашивать. А голос какой-то тихий, сочувственный. Не может понять женщина, о чём речь идёт.

– Шура, да подойди же сюда! – снова позвали ее из автобуса.

Подошла, дверцы открытые, а в салоне люди: сестра, председатель сельсовета, невестка, еще кто-то. Председатель сельсовета подозвала ее к себе попросила сесть рядом. Села. Дверка закрылась, и автобус тихо тронулся с места. Скоро показался дом. У ворот санитарный УАЗик, рядом с ним мужчина в форме, узнала – районный военком.

– Мне же по делам нужно, – запоздало встрепелась женщина. – Зачем вы меня снова к дому привезли?

– Какие теперь дела? Вон видишь, гости к тебе приехали. Иди, встречай! – сказала ей сестра. Подошла к машине.

– Принимайте, мамаша, сына своего Александра. Я его провожал в армию, я вам его и возвращаю. Погиб он на войне. Соболезную вам и прошу крепиться. Очень больно, но его уже не вернуть живым.

Смотрит мать, а в машине большой деревянный ящик. А в голове какой-то шум, уши будто ватой заложено, никого не слышит и ничего понять не может. Все, как в немом кино, а люди, словно большие куклы. Будто затмение какое нашло, и ночь наступила. Некоторое время внимательно смотрела на ящик и вдруг:

– Сашенька! Сыночек мой! Как же так?

Гроб с сыном в дом заносить не разрешили. От него шел сильный трупный запах. На ночь поместили его под навес. Отец с матерью, как-то враз постаревшие, сидели рядом с гробом не смыкая глаз и вели с сыном прощальный разговор. Их не отпугивал ни запах, ни белые червячки, которые выпадали из дырки днища на землю. На цинке – его военная фуражка. И надпись: «Вскрытию не подлежит!». В приступе отчаянной безысходности отец сам пытался вскрыть гроб. Солдаты не дали.

– Я и сейчас думаю: он ли был в том железном гробу? Не верю в его смерть. Может живой он, и сейчас где-то думает о нас? Всякое у нас ведь бывает?! – с надеждой спрашивала меня мать солдата.

– Да, в нашей стране бывает всякое!

Многие годы всех нас убеждали, что в перспективе своей жизни Человеком с большой буквы, очень полезным стране и обществу может стать только очень дисциплинированный школьник, отличник учёбы, или, в крайнем случае, хорошист, но не меньше. Исходя из такого общепринятого эталона, Саша Забродин никогда не мог стать положительным героем. Учился в школе посредственно, иногда пропускал уроки, правда, не хулиганил. Был скромным, тихим, исполнительным. Сидел в классе на последней парте, внимания на себя не обращал: лишь бы не спрашивали. Окончил 8 классов Усть-Бюрьской школы, потом районное СПТУ-8, получил рабочую профессию. С апреля по октябрь 1981 года работал слесарем 3 разряда в транспортном цехе Уйбатского леспромпхоза. Оттуда ушел в армию. Вырос. Возмужал. Физически окреп. Бывало, придёт отец с работы уставший, или из гостей, Саша поможет ему раздеться, а потом возьмёт его осторожно на руки и уложит в постель.

– Спи, отец, отдыхай!

Очень любил родителей, сестер, брата. В семье Забродиных их было семеро: Владимир, Нина, Людмила, Александр, Тамара, Галина, Татьяна. Жили все дружно, но с Тamarой у Саши были наиболее близкие, теплые отношения. Ей и только ей одной доверял он свои мальчишеские секреты. Семья жила скромно. Отец Карл Яковлевич в полную меру испытал горечь сиротской жизни, голод и нужду, поэтому желал своим детям только добра. Всякое бывало: и ругал провинившихся, и наказывал, но без этого, но детей любил.

Фронтвик Великой Отечественной войны, он прошел с боями через всю Европу с 1942 по 1945 год. Победу встретил в тбилисском военном госпитале. Уже в Венгрии 27 января 1945 года фашистский снайпер выстрелил солдату в грудь. Пуля вышла через правое плечо, повредив лучевой нерв. Рука потеряла работоспособность. Пас летом скот, плотничал, выполнял другие работы. Награжден орденом Отечественной войны. Медаль «За отвагу» искала своего героя целых 52 года. Только в 1996 году ее наконец вручили Карлу Яковлевичу.

В память о той войне остались в семье Забродиных незабываемые солдатские воспоминания, боль за погибших, пожизненная инвалидность и боевые награды. Теперь к отцовским добавились Сашины – орден Красной Звезды, медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», которые он так ни разу и не надел на свою солдатскую форму.

Отца всегда радовало, что дети растут самостоятельными, трудолюбивыми. Саша в 12 лет косил траву наравне со взрослыми, помогал матери по хозяйству. Все вместе трудились на огороде. Очень уставали, но только выпадало свободное время, забывали обо всем и шли на речку. Проходили до 10 км в одну сторону, возвращались бодрые и довольные.

Саша очень любил лес. Часто уезжал с друзьями, сестрой на лесовозах в тайгу. Отдыхали там, наслаждаясь красотой и чистым воздухом. Часто оставались в лесу с ночевкой, а утром на попутных машинах возвращались в село. Мечтал получить водительские права, водить большегрузный автомобиль, как его двоюродный брат Николай Шахматов, мечтал жениться, растить своих детей, помогать им в жизни, одним словом, быть похожим на своего отца.

Когда немного подрос, шофера стали доверять ему самостоятельно управлять машиной. Водил осторожно, но с каждой поездкой более уверенно. Брали с собой ведра. Собирали ягоду, грибы, шишки. Себе, а также и на продажу. Дети ходили в школу. Их нужно было обувать, одевать. Не всегда хватало денег, но они не хныкали, когда другим покупали хорошие игрушки, вещи, сладости. Понимали семейные проблемы, жили по средствам и своим трудом пытались помочь родителям. В семье хорошо знали, что такое деревенский труд. Гордились детьми родители, особенно мальчиками. Ведь Владимир с Александром были не только продолжением их фамилии, помощниками в труде, но и гарантированной опорой, их надеждой под старость.

Не думал никто, что служба сына в армии, война, на которую он попадет, так безжалостно порушит их крепкую дружную семью. В военкомат с Сашей поехала Тамара. По прибытию туда, им сообщили, что отправка команды переносится на неделю.

– Тамара, уезжай, не жди меня!

– Почему? – удивилась сестра. – Я дождусь, провожу. Не так часто братья в армию уходят. И тебе легче будет.

– Не надо, уезжай! Не нужно меня провожать, – я уже большой, не потеряюсь. Все будет хорошо, да и мне так легче будет! – А в глазах такая грусть, того и гляди, что расплачется.

Служить попал в Туркмению, город Теджен...

«Нас уже переодели в солдатскую форму. Я первый день начал служить. Попал в танковые войска. Когда нас везли сюда на поезде, я хоть страну повидал. Проезжали Алма-Ату, Ташкент. Города большие, красивые. А теперь вот завезли куда-то в пески...».

«Деревья здесь тоже есть, но только возле казарм, да и то их очень часто приходится поливать, иначе засохнут. Сюда солдат призывают только осенью, чтобы они легче привыкали к климатическим условиям. Весной не привозят – не каждый выдержит такую жару».

«Эти пески уже замучили. Везде песок. Рядом железная дорога. Гляжу на проходящие мимо поезда и так хочется домой. Ночью сплю и сон снится, будто я снова дома. А тут как раз подъем, и так подниматься не хочется...».

«Ездил на танке – уже раз шесть. Нас здесь учат на мостоукладчиков, чтобы умели переправу через речку или пропасть делать. Служба идет нормально. Здоров, как бык».

И под каждым письмом подпись: «Ваш Шурик».

Шли недели, месяцы. И, несмотря на то, что шла война в Афганистане, что все войска, и в первую очередь Туркестанского Военного Округа, были ориентированы на боевые действия, в частях по-прежнему хозяйственные работы носили преимущественный характер над занятиями по боевой и политической подготовке.

«Мы здесь собираем хлопок. Его очень плохо собирать. Он уже нас всех замучил».

«Ты спрашиваешь, каким я теперь стал? – отвечал он на вопрос сестры. – Каким был, таким и остался. Новое во мне – это только форма».

Во всех письмах спрашивал о делах в селе, дома. Беспокоился, что не может сейчас помочь родителям по хозяйству.

«Скоро, наверное, сено косить? Плохо, что меня там с вами нету. Уже и ягоды, шишки надо собирать. Как хорошо, что у вас лес есть, а тут один песок. Правда, горы еще видать маленько».

По окончании курса занятий в учебном подразделении перед каждым выпускником вставал вопрос: «Куда же пошлют служить дальше?». Сашу этот вопрос как-то особенно не волновал. Он давно думал об Афганистане и нисколько не сомневался, что рано или поздно окажется там.

«Тут говорят, что скоро нас будут отправлять в ГДР и по Союзу. Конечно, хотелось бы попасть в Германию или поближе к дому. Но есть такая маленькая страна – Афганистан. Если у вас карта есть, то можете посмотреть на ней, где это и что такое. Тут живность всякую видел: варанов, черепах, ежей, даже на ишаке катался. Ничего, только ноги по земле бороздят. Завтра будем сдавать первый выпускной экзамен».

Родители часто просили Сашу сфотографироваться, очень хотели посмотреть, каким он стал. В письмах все отписывался: «Некогда, потом». Так и не сфотографировался. За всю службу на память остался всего один снимок, где Саша в техническом комбинезоне и широкополой армейской панаме.

Потом сын сообщил, чтобы ему пока не писали – ожидается смена места службы.

В марте 1982 года пришло письмо с новым адресом: полевая почта – 71176.

«Я давно мечтал по стране покататься и попасть за границу. И вот попал в Кандагар. Ты сильно не переживай, мама, ничего не поделаешь. Зато я теперь хоть один раз пролетел на самолете ТУ-154».

«Привет из Кандагара! Здесь тоже, как в Теджене. Там пустыня, а здесь горы. Живем в палатках. Погода очень жаркая. Сегодня ночью был приказ об увольнении в запас. Некоторые домой уже скоро поедут, а мне еще 1,5 года служить. Полгода, которые я уже служу в армии, пролетели очень быстро, я их даже не заметил. Всё кажется, что я только вчера призывался. Надеюсь, что и оставшееся время пройдет так же незаметно и интересно. Попал в инженерно-саперную роту, только не сапером, а мостоукладчиком. Ребята здесь хорошие, дружные. Со мной один парень из Усть-Абакана. Жара +65°. Служба идет отлично. Как я соскучился по дому, даже нет таких слов, чтобы это высказать!».

Мотострелковое подразделение, с которым Александр был в рейде, блокировало кишлак Ангурьян. Душманы вели плотный огонь из-за дувалов, не допуская атакующих к кишлаку. Командир роты повел подразделение в обход, пытаясь уйти от гранатометных выстрелов и войти в него с другой стороны. Шли по высохшему руслу реки. Пока все было спокойно. Вдруг раздался один мощный взрыв, другой. Это сработали противотанковые мины. Одновременно с ними на мотострелков обрушился шквальный огонь. Стреляли из автоматов, гранатометов. Крики, автоматный треск, черный дым. Солдаты открыли ответный огонь. Духи находились на очень близком расстоянии. Они, видимо, об отходе и не думали, шли в бой с абсолютной верой в свою победу. Но паники среди солдат советского подразделения, как предполагали бандиты, не получилось. Мотострелки уничтожили всех. Правда, этот короткий бой принес и подразделению большие жертвы.

Погибло девять человек. Один умер, не дотянув до операционного стола. Четверых раненых солдат отправили в госпиталь. Среди них был и Александр. Долго не писал домой. Потом сообщил, что не мог, потому что сидел на гауптвахте. Но в реальности это была госпитальная койка.

Не хотел Саша расстраивать родителей, вот и сочинил легенду с арестом. Поделился о своём ранении только с друзьями. Об этом же рассказал офицер, который привёз Александра домой и проводил его в последний путь.

Однажды Саша на одной из операций в горном кишлаке увидел большую плантацию красных маков. Казалось, это не цветы, а кровавое озеро.

– Наверное, столько же мы пролили нашей, солдатской крови, в этих чертовых горах Афганистана. Каждый цветок, как будто чья-то человеческая жизнь.

– Жутко, но красиво. Идет война, вокруг черные скалы, опасность, смерть, а здесь цветы, – рассуждали солдаты. – И, остановив свою грозную боевую технику, закинув за спины автоматы, застыли они, забыв о войне и наслаждаясь этим великолепием. Жаль, что нельзя было запечатлеть его на цветное фото, нанести красками на полотно: через несколько дней солнце сожжет их, и уже другого цвета плантация сольётся воедино с однообразным серо-чёрным пейзажем окружающих их гор. Здесь, в Афганистане, очень жарко и не только от солнца...

– Да, много здесь наших полегло, – думал Александр, веря, что цветы – это погубленные души. – Очень много!

Служба шла своим чередом. Закалялся характер, приходил опыт. На счету Александра было уже несколько боевых выходов в составе подразделения.

В ту августовскую ночь моджахеды предприняли очередную попытку атаковать советское подразделение в сторожевом охранении. Завязался яростный бой. Личный состав сторожевого поста встретил хорошо вооруженную банду душманов во всеоружии. Солдаты не растерялись и открыли по ним упреждающий и меткий огонь на поражение. В этом бою, в результате прямого попадания выстрела гранатомета в боевую машину, Александр Забродин был убит. Он погиб, не отступив с друзьями перед превосходящей бандой противника, не дав им реализовать свой преступный план по уничтожению главных сил бригады.

В честь воинов-интернационалистов Александра Забродина и Геннадия Грачева на мемориале «Вечная слава» в п. Усть-Абакан заложена аллея, их имена высечены на стеле Памяти у офиса Фонда инвалидов войны в Афганистане в городе Абакане Республики Хакасия. Воины-афганцы не забывают своих земляков, отдавших свои жизни во благо нашей Родины. Вечная им память!

– Мне не нужны никакие льготы! Об одном прошу – верните мне моего сына! – просит мать солдата...

Много лет ждала семья Забродиных, в которой – инвалид Великой Отечественной войны и погибший афганец, установки квартирного телефона. Были отговорки, обещания, проблемы, хотя для других, богатых и при власти с этим не было никаких проблем. Книга Памяти о Советских воинах, погибших в Афганистане, переданная главе посёлка для передачи семье Забродиных, до адресата так и не дошла. Такие обидные «мелочи» больно ранят родителей героя, отдавшего свою жизнь за всех нас, ныне здравствующих и процветающих.

Кактус, ставший предвестником грозящей беды, расцвел, как раз в день гибели Саши, а потом засох. И, как ни пытались вселить в него жизнь, – чуда не произошло.

Идут годы. Нет ни минуты, чтобы родители не думали об Александре. Ушел из жизни молодой, здоровый человек. Государство вернуло вместо сына цинковый гроб и породило массу проблем. А все заверения: не забывать о таких семьях, канули в пустоту! Всё забылось! Страшно и очень горько!

Март 1997

Для самостоятельного чтения

Л. Р. Кызласов «Сампир»;

Тема поэта и поэзии в поэме М. Р. Баинова «Путешествие во времени»;

Творчество А. Козловского;

Тема материнской любви в произведении М. Р. Баинова «О матери»;

Тема Великой Отечественной войны в произведениях писателей и поэтов Хакасии;

Путь становления хакасской женщины Повесть Н. Тиникова «Я сегодня об этом вспомнил...»;

Поэтическое творчество В. Романенко;

Военные годы в Хакасии. К. Нербышев. Повесть «Ручеек Хорлана».

Литература Хакасии в школе

Хрестоматия

Автор-составитель – Кравченко Татьяна Юрьевна

Опубликовано 14.06.2023 г.
Формат А4. Гарнитура Times New Roman. Кегль 12.
Усл. печ. л. 9,12. Цифровой объем 4,3 Мб

Отредактировано в полном соответствии
с качеством представленного электронного оригинал-макета
в типографии ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт
развития образования и повышения квалификации»
Издательство «РОСА»

655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Пушкина, 105.
E-mail: poisk-ipk@yandex.ru